ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 37 (1148). Суббота, 1 сентября 1945 г. Цена 45 коп.

Сегодня в номере:

1 стр. **Вл. Татишвили.** Грузинская литература в годы войны. **По Советской стране.** Памяти Важа Пшавела. Обсуждение работ писателей-коммунистов Украины. **Информация.** Художник и книга. Литературные лекции. Вечера туркменской литературы.

2 стр. По страницам альманахов: **Л. Пасынков.** Чувство родины. **М. Гельфанд.** Лица и маски. **Б. Песис.** Великий голос.

3 стр. **Евг. Книпович.** Поэма о бойце. **Книжная полка. Н. Калитин.** Стихи Антона Пришельца. **Р. Янушкевичене.** Журнал писателей Литвы. **Евг. Рысс.** Военный дневник писателя.

4 стр. **С. Николаев.** Заметки на полях журнала **И. Фефер.** Будущие книги. **Е. Делюсин.** Урок ученикам. **Б. Рест.** Принимается подписка... **Евг. Мозольков.** Белорусская литература в русских переводах. **Информация.** Репертуарные планы московских театров.

Запечатлеть опыт народа

Советская литература знает много форм воплощения живого опыта народа. Кроме главной, основной своей работы над художественными произведениями — романами, повестями, рассказами, стихами, песнями, поэмами, драмами и сценариями, — писатели систематически участвуют в собирании, отборе, редактировании и публикации разного рода человеческих документов. Сейчас это дело приобретает особенно большое значение.

А. М. Горький неоднократно говорил об ограниченности тематики дореволюционной русской литературы. Великие писатели русской земли, законно называвшиеся «властителями дум» и «учителями жизни», как много раз доказывал Горький, не охватывали и не могли охватить всего многообразия жизни России. Но ведь наше время бесконечно богаче событиями, сдвигами во всех областях жизни, проявлениями величия человеческого духа в самых разнообразных и не схожих между собой обстоятельствах. Кроме того, в наше время значительно расширилась и территория, на которой происходят события и явления, достойные самого серьезного общественного внимания. «Творческая эпоха», как называл Алексей Толстой наше время, сказывается и в деревне, и в городе, и в труде ученого, и в труде рабочего, и в труде крестьянина, и в труде инженера. Труд стал сознательным, творческим, и начатое сегодня Стахановым в Донбассе подхватывалось завтра Луниным в Сибири, начатое сегодня Ангелиной на Украине завтра по-своему преломлялось Ефремовым на полях Алтая.

«Есть опасность, что мы что-то пропустим, а этого нельзя пропускать. Нам предоставлены в распоряжение бесконечные возможности опыта», — говорил Горький. Сейчас, оглядываясь на великий подвиг советского народа в войне за честь и независимость своей Родины, за свободу и независимость всего человечества, особенно ощутима необ'ятность проявлений мужества и отваги, напряженной и самоотверженной работы человеческой мысли на всем протяжении невиданного фронта, во всю глубину огромного тыла. И еще острей, еще насущней ложится на плечи всех советских литераторов горьковская забота — не пропустить! Нельзя пропускать!

Все виды документов, все формы человеческих свидетельств о содеянном приобретают великую ценность. Дневники, записи, письма, воспоминания непосредственных участников событий, рапорты и донесения, докладные записки и отчеты, деловая переписка, решения и постановления могут оказаться живым, интересным, плодотворным материалом, знакомящим читателей с подвигами трудовыми и бранными. Но этот материал не обязательно весь должен публиковаться. Намечая пути работы над «Историей фабрик и заводов», Горький писал, что «...материал, вероятно, не уложится целиком в книги и представит собой ценнейший архив для историков, литераторов, экономистов». Это остается справедливым и для нашего времени.

Таким образом собирание всех видов непосредственных свидетельств участников событий, героев и творцов новых явлений жизни имеет значение и для широкого круга читателей, и для писателей. Читателей эти рассказы «бывалых людей» — непосредственное изложение обретенного опыта, — вводят в широкий круг деятельности, творчества в самых иногда отдаленных от них сферах. Для писателя записи эти — огромный источник познания людей, событий, мыслей и чувств своего времени в безыскусном и непосредственном изложении.

За последние два года в литературных журналах и отдельными изданиями предстали перед читателями дневники и записи, письма и воспоминания непосредственных участников всенародной войны с фашизмом. Это воспоминания, записки военных летчиков Покрышкина, Лавриненкова; С. Ковпака «От Путивля до Карпат», П. Игнатова «Записки партизана», А. Полякова «В тылу врага», «Павшие за Францию» (письма приговоренных к смерти) и др.

Уже из перечня напечатанных документов видно, что среди них преобладают записи о войне. Тыл Великой Отечественной войны, героическая эпопея перебазирования военной промышленности на Восток, люди труда крайне скудно представлены в печати, их опыт, их подвиги, их трудности и их достижения в большинстве своем остаются разбросанными в газетных заметках и грозят исчезнуть. Это говорит в первую очередь о недостаточном внимании к организационной стороне дела собирания документов эпохи, обобщения опыта.

Между тем организационный опыт в этой области накоплен большой. Горький точно определил работу редакций «Истории гражданской войны» и «Истории фабрик и заводов», а также ряда коллективных работ, посвященных трудовым подвигам советских людей. Каждый литературный журнал имел отдел, который хотя и назывался поразному но по сути дела был посвящен людям и фактам, непосредственно выраженным. Этим же делом занимались специальные редакторы литературно-художественных и общественно-политических издательств. Сегодня это дело предоставлено само себе и тонет в общем потоке разнообразных редакционных нужд. Если собирание фольклора Великой Отечественной войны превратилось в широкое движение, которое опирается на сеть Домов художественного творчества, на литературные факультеты педагогических вузов и на педагогические училища и, наконец, на всю районную и областную печать страны, то собирание воспоминаний, записей и документов участников трудовых подвигов не имеет сегодня ни центра, ни сети. Собиранию современного фольклора помог также ряд конкурсов как всесоюзных, так и местных. К собиранию же документов еще не привлечено по-настоящему общественное внимание. Даже в журналах и в издательствах еще не уяснили себе всю важность систематической работы в этой области.

Первый почин в организации такой работы в сравнительно широких масштабах сделал Военгиз. Это издательство привлекло значительную группу литераторов к написанию серии книг о создателях новых видов вооружения Красной Армии. Книги этой серии должны дать рассказ самого творца о его пути к созданию нового вида вооружения.

Самый характер подобной работы, как и участие писателей в литературной обработке дневников партизан, ставит ряд принципиальных вопросов. Замечается тенденция к «беллетризации» материала, к приданию человеческому документу всех внешних признаков художественной прозы. Правильно ли это? Пушкин, рекомендуя читателям «Современника» вторую часть воспоминаний Надежды Дуровой, писал: «Они (читатели) оценили, без сомнения, прелесть этого искреннего и небрежного рассказа, столь далекого от авторских притязаний, и простоту, с которой пылкая героиня описывает самые необыкновенные происшествия».

Самая главная задача писателя, занятого литературной обработкой человеческого документа, — сохранить, выявить, подчеркнуть самобытную манеру автора, его человеческую интонацию, передать прелесть непосредственности ощущений участника события, а иногда и его главного действующего лица. «Причесывая» дневник или воспоминания, гримируя их под ходульную внешность повести или рассказа, писатель ни в коей мере не делает человеческий документ художественным произведением, но лишает его естественности и достоверности, теряет точность и уверенность, которая всегда присуща новаторам жизни.

Удачи и неудачи немногочисленных человеческих документов, появившихся за последние годы в печати, поучительны. Но основная работа по собиранию живых свидетельств «бывалых людей», героев войны и творцов нового в жизни, — еще впереди. Она становится делом неотложной срочности и важности.

Огромный исторический опыт советского народа в годы вооруженной борьбы с немецко-фашистскими и японскими захватчиками несомненно будет в ближайшие годы обобщен в фундаментальных работах по истории Великой Отечественной войны. В этих работах найдут выражение и воинский и трудовой подвиги народа, принесшие великую победу. В создании истории Отечественной войны, вне всякого сомнения, писатели примут значительное творческое участие, и мы должны быть готовы к этой сложной и ответственной работе.

Нельзя забыть пережитое, нельзя дать документам потеряться, нельзя ничего пропустить. Нам выпало счастье жить в бурное, стремительное, созидательное, творческое, героическое время — в эпоху Сталина. Так поможем своим литературным опытом и знаниями запечатлеть для потомства живой опыт народа-победителя.

ХУДОЖНИК И КНИГА

О художественном оформлении продукции издательства «Молодая гвардия»

В издательстве «Молодая гвардия» состоялось совещание по вопросу о художественном оформлении книг, выпущенных за 1944—1945 гг.

С обстоятельным докладом выступил проф. А. Сидоров.

— «Молодая гвардия», — говорит докладчик, — живое, интересное издательство. Но в области полиграфии дело у него обстоит не совсем благополучно. Требуется серьезная борьба за качество клише, красок, бумаги, за повышение качества верстки и обрезки.

По мнению А. Сидорова, должна существовать тесная связь между редакционными работниками, полиграфистами и оформителями. В работе по оформлению книг это является основой успеха. Надо ликвидировать обезличку. За художественное оформление книги должно отвечать определенное лицо.

— «Молодая гвардия», — продолжает А. Сидоров, — сплотила вокруг себя хороший коллектив художников, но в их деятельности больше культивируется иллюстративная, чем декоративная сторона. Например, общий характер рисунка молодых художников В. Коновалова, И. Брюлина — реалистическо-импрессионистический. Желательна большая определенность иллюстрации. Даже работы таких мастеров, как А. Ермолаев и Б. Дехтерев, страдают неточностью и расплывчатостью. Нельзя считать удачными рисунки А. Ермолаева к «Чайке» В. Бирюкова и Б. Дехтерева к «Возвращению» Ф. Наседкина.

Лучшая по оформлению книга издательства—«Сталинское племя» (рисунки Н. Жукова). Прекрасно оформлена также книга «Записки партизана» П. Игнатова. Единственное, в чем можно упрекнуть художника С. Пожарского, делавшего обложку этой книги, — некоторая небрежность при начертании шрифта.

Можно приветствовать появление в книжной графике художника В. Иванова, давшего прекрасные рисунки к книге П. Червинского «Кровь за кровь».

— К сожалению, — закончил свое выступление А. Сидоров, — в книгах «Молодой гвардии» очень часто не указана фамилия художника, автора иллюстраций и обложки. Хотелось бы в будущем избежать этого. Желательно, чтобы издательство осуществило ряд конкурсов на лучшее оформление книги, организовало совещание по вопросам иллюстрирования книг, укомплектовало отдел оформления и техредакции, утвердило контролеров по качеству.

Н. Вышеславцев предложил, чтобы выполненные работы обсуждал и принимал специально выделенный коллектив сотрудников, а не один редактор, как было до сих пор.

Выступление Истрина было посвящено вопросу о форматах книг. Надо следить за удобочитаемостью шрифта, избегать употребления петита и длинных строк в детских книгах.

Освобождение главного художника от административной работы и предоставление ему возможности заниматься всецело вопросами художественного оформления должно, по мнению художника Бродского (Военмориздат), значительно улучшить работу издательства. Художественные редакторы должны полностью отвечать за оформление и полиграфию.

Б. Седельников подробно остановился на художественном оформлении «Чайки» В. Бирюкова и указал, что несмотря на обилие иллюстраций, помещенных в книге, художник в них не чувствуется.

— Издательство «Молодая гвардия», — сказал в своем выступлении М. Зеликсон, — подобрало прекрасный штат художников, сделавших за эти годы много хороших работ. Но не надо стеснять художника в технике. Полиграфия должна быть на службе у художника, а не наоборот.

На совещании выступили также главный редактор издательства М. Тюрин и директор издательства А. Близненков.

Они сообщили о мерах, которые принимает издательство для улучшения художественного оформления книг. По решению ЦК ВЛКСМ, в издательстве создается большой отдел оформления, увеличивается число художников, привлекаемых к работе над книгой. В связи с передачей издательству типографии «Красное знамя» будет значительно улучшено полиграфическое оформление книг.

ПО СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ

Обсуждение работ писателей-коммунистов

КИЕВ. **(От наш. корр.).** В последнее время на заседаниях бюро и на открытых собраниях парторганизации Союза советских писателей Украины обсуждаются творческие отчеты писателей-коммунистов.

На-днях бюро заслушало отчет писателя Ю. Мартича. Автор рассказал о своих планах и познакомил присутствующих с новой повестью «Спешу к тебе».

Повесть, посвященная нашим дням, вызвала горячее обсуждение. М. Рыльский отметил, что Ю. Мартич ищет новых путей в художественном изображении нашей действительности. По словам Я. Городского, в повести «Спешу к тебе» автор находит нужные образы и убедительно раскрывает их. О приемах творчества и стилевых особенностях повести Ю. Мартича говорили С. Голованивский, Л. Новиченко, Л. Хинкулов, А. Шиян, Ф. Бурлак, П. Панч, Е. Кирилюк. Все выступавшие положительно расценивают новую пьесу Ю. Мартича.

Интересно прошел отчет Агаты Турчинской на открытом партийном собрании. Поэтесса рассказала о своей творческой и общественной работе за годы Великой Отечественной войны. Находясь в эвакуации, Агата Турчинская подготовила к изданию сборник стихов «Тарасова гора». Книжка вышла в Ашхабаде в 1942 г. Турчинская написала повесть для юношества «Земля родная» и сборник стихов «Песня про дружбу». На-днях она закончила поэму, посвященную Львову.

Поэтесса прочла стихи «На туркменской земле», «Память про дружбу», «Песня про сорочку» и отдельные фрагменты поэмы «Львов». Д. Гофштейн, И. Савченко, Т. Масенко и Ю. Дольд отметили плодотворную работу Агаты Турчинской, много сделавшей для ознакомления украинских читателей с поэзией братского Туркменистана. В то же время выступавшие указали и на ряд формальных недочетов в стихах поэтессы.

В издательстве «Радянський письменник»

КИЕВ. **(От наш. корр.).** В ближайшее время в издательстве «Радянський письменник» выходят новые книги: исторический роман П. Панча «Запорожцы», сборник военных рассказов С. Голованивского «Капля крови», рассказы Оксаны Иваненко «Жизнь подле смерти» (взрослым о детях), повесть В. Козаченко «Три лета» (действие происходит на оккупированной немцами территории Украины), повесть Ю. Мартича «Родной город» (Киев после освобождения его от оккупантов), роман В. Торина «Одна семья» (о Великой Отечественной войне), новелла Ю. Яновского «Киевская соната» (о детях в дни фашистской оккупации Украины), роман Ю. Смолича «Они не прошли» (о борьбе партизан Харькова).

Кроме того, выходят сборники военных стихов А. Малышко «Ярославна», Я. Городского «Возвращение», Л. Дмитерко «Багряное утро», П. Дорошко «Насущный хлеб», И. Неходы «Дорога к празднику», М. Стельмаха — «Думы про Украину».

Подготовляется к печати сборник произведений русских писателей, работающих на Украине.

Сборник включает лучшее из написанного русскими писателями Украины за годы Великой Отечественной войны и ряд переводов произведений братских литератур.

Об'ем сборника — 10 печатных листов. Ответственный редактор — Я. Городской.

Творческие встречи

КИЕВ. **(От наш. корр.).** В киевском клубе Союза советских писателей Украины состоялись творческие встречи с писателями-фронтовиками И. Фаликманом и Б. Котляровым.

И. Фаликман прочел главу из нового романа «Один из гетто» и новеллу «Горпинка». В романе автор рисует жизнь людей, обреченных немецко-фашистскими оккупантами на гибель, протест и борьбу человека против изуверского фашистского садизма.

На творческом вечере русского поэта Б. Котлярова собравшиеся прослушали поэму «Повесть о Гуре» и фронтовые стихи.

М. Рыльский, С. Крыжанивский, Т. Масенко, О. Вишня, П. Северов, О. Донченко и др., участвовавшие в обсуждении творчества Б. Котлярова, отметили рост поэта за годы Великой Отечественной войны.

ПАМЯТИ ВАЖА ПШАВЕЛА

ТБИЛИСИ. **(От наш. корр.).** 30-летие со дня смерти великого грузинского поэта Важа Пшавела общественность Тбилиси отметила большим вечером в театре им. Руставели. В центре сцены возвышается портрет Важа Пшавела, обрамленный цветами. В президиуме — писатели А. Абашели, Л. Киачели, Г. Табидзе, С. Чиковани, Г. Леонидзе, С. Шаншиашвили, К. Гамсахурдиа, Д. Шенгелая, И. Мосашвили, К. Чичинадзе, В. Гольцев, Р. Гветадзе, Б. Жгенти, С. Пашалишвили, И. Гришашвили, действительные члены грузинской Академии наук А. Чикобава, Н. Бердзенишвили, проф. А. Барамидзе, композитор И. Туския, художники Л. Гудиашвили, М. Тоидзе, артистка Н. Вачнадзе и др.

Торжественное заседание открыл вступительной речью поэт А. Абашели, который отметил значение для современников творчества Важа Пшавела.

Доклад на тему «Жизнь и творчество Важа Пшавела» прочел Г. Кикодзе. С речами, посвященными Важа Пшавела, выступил Г. Леонидзе, В. Гольцев, Д. Шенгелая и Д. Бенашвили.

Воспоминания о Важа Пшавела прочел Т. Сахокия.

Стихи, посвященные памяти поэта, прочли: Г. Табидзе, С. Чиковани, И. Мосашвили, К. Чичинадзе, С. Пашалишвили, А. Абашели, И. Мчедлишвили и И. Гришашвили.

***

Литературный вечер, посвященный памяти Важа Пшавела, состоялся в Душети. Из Тбилиси сюда с'ехалось много представителей партийных, литературных и научных организаций и работники искусства.

Вечер открыл секретарь Душетского райкома КП(б) Грузии И. Гудушаури.

Доклад о жизни и творчестве Важа Пшавела сделал писатель Д. Бенашвили. С речами выступили Г. Джибладзе и Б. Жгенти, воспоминания о встречах с Важа Пшавела прочел проф. М. Зандукели.

И. Мосашвили, К. Чичинадзе, Р. Маргиани, А. Машашвили, Г. Шатберашвили, И. Нонешвили, Г. Леонидзе и артист театра имени К. Марджанишвили С. Закариадзе читали стихи Важа Пшавела и стихи, посвященные ему.

***

На родине поэта в деревне Чергали Душетского района состоялся митинг, посвященный памяти Важа Пшавела. Митинг открыл секретарь Душетского райкома КП(б) Грузии т. И. Гудушаури. С речами выступили Б. Жгенти, действительный член Академии наук Грузинской ССР В. Топурия, проф. Тбилисского государственного университета им. Сталина А. Барамидзе, представитель Союза советских писателей СССР В. Гольцев, художественный руководитель театра им. Марджанишвили Ш. Гамбашидзе.

С чтением стихов выступили Г. Леонидзе, сын Важа Пшавела В. Разикашвили и др.

Гости осмотрели дом великого поэта.

К 25-ЛЕТИЮ АВТОНОМИИ УДМУРТИИ

ИЖЕВСК. **(От наш. корр.).** Закончился республиканский конкурс на лучшее произведение литературы и искусства к 25-летию автономии Удмуртской АССР.

Жюри конкурса присудило третьи премии в 15 тысяч рублей писателю Д. Бор-Раменскому за роман «Лес шумит» и поэту С. Широбокову за поэму «Два брата».

Четвертые премии по 5000 рублей получили: поэт А. Лужанин — за поэму «Пламенное сердце», драматург М. Петров — за пьесу «Во имя жизни», драматург Л. Перевощиков — за пьесу «Дочь Удмуртии», поэт Т. Шмаков — за сборник стихов «Мое оружие».

Рекомендованы к изданию повесть Т. Архипова «Балзагурт'ёс» — о героических буднях колхозной деревни, А. Карцева — о строительстве железной дороги — «Народ на трассе», очерки М. Лямина.

Комедия «Сюан» В. Садовникова рекомендована к постановке в театрах.

Государственное удмуртское издательство приступило к изданию рекомендованных произведений. Уже вышел из печати сборник стихов Т. Шмакова «Мое оружие» и книга очерков М. Лямина.

КНИГИ ПИСАТЕЛЕЙ НОВОСИБИРСКА

НОВОСИБИРСК. **(От наш. корр.).** В Областном государственном издательстве только что вышел из печати сборник стихов Елизаветы Стюарт — «Второе рождение». Это небольшая книжечка, в которую вошли стихи, посвященные темам войны.

В ближайшие дни выходит книга «Сказов и песен» известной сибирской сказительницы Александры Ефимовны Рогозниковой. Сказительница Александра Ефимовна живет в Тогучинском районе Новосибирской области. Ей 68 лет и она неграмотная. Но она поэтически откликается на все события, волнующие ее родную страну. Центральное место в книге занимают сказы, посвященные Великой Отечественной войне. Составлен сборник Ю. Зубрицким; редактор — писатель А. Мисюрев.

В основу книги Н. Соколова «Декабристы в Сибири» положены подлинные исторические материалы, тщательно собираемые автором в течение долгого времени. Главное место среди этих документов занимает «Собрание писем к декабристу И. И. Пущину». В книге приведены также материалы, освещающие жизнь декабристов в Тобольске, Чите, Иркутске, Верхне-Удинске, Петровском заводе и других местах ссылки.

МОЛОДЫЕ ПИСАТЕЛИ

Эти своеобразные литературные встречи возникли стихийно зимой 1943 года. В ту зиму издательство «Молодая гвардия» стали усиленно посещать юноши и девушки. Молодые поэты и прозаики встречались в коридоре, в вестибюле, они читали друг другу стихи, поэмы, рассказы, горячо спорили, критиковали друг друга, делились планами на будущее. Многие из них побывали на фронтах Отечественной войны. У них на груди были ордена и медали.

Так начало возрождаться прекратившее в первые годы войны работу литературное об'единение молодых прозаиков и поэтов. Еженедельно, по вторникам, молодые поэты читали свои стихи, по пятницам прозаики—рассказы, новеллы; прочитанное всегда обсуждалось. Желающих посещать семинары становилось все больше, и их уже не вмещала ни одна комната издательства. Выделился актив наиболее способной, талантливой молодежи.

ЦК ВЛКСМ, считая плодотворной деятельность об'единения, отпустил средства на расширение его работы. Семинары обосновались в просторной аудитории Политехнического музея. Расширилась литературная консультация. При об'единении работают девять консультантов. Они беседуют с начинающими авторами, отвечают на рукописи. А приток их — колоссальный: за 1945 год поступило 2500 рукописей.

Изменился характер творческих семинаров. В их работе участвовали Вера Инбер, Н. Асеев, М. Светлов и др. Состоялись вечера чтения стихов на заданные темы. Был проведен конкурс на лучшее стихотворение о победе. С творческим отчетом выступили молодые поэты: А. Межеров, С. Гудзенко, Галина Шергова.

В план работы литоб'единения включены литературные лекции. А. Тарасенков прочел лекцию о советской поэзии. Намечена лекция Б. Пастернака «Поэтический образ», цикл лекций о поэтическом методе крупнейших советских поэтов. На семинаре прозаиков лекцию «Искусство новеллы» прочел К. Паустовский.

Участники об'единения неоднократно выступали в госпиталях, в парках столицы, на заводах.

В 1945 году выйдет альманах молодых поэтов и прозаиков. Кроме стихов уже упомянутых поэтов, в альманах войдут стихи Героя Советского Союза майора Е. Емелина, студентов Литинститута ССП Ю. Друниной, Н. Старшинова, В. Гончарова и др.

ОГНЕМ И СЛОВОМ

ВЕНА. **(От наш. корр.).** Редакция газеты «За честь родины» провела на-днях совещание военкоров. Участники совещания — бойцы, сержанты и офицеры, герои боев, приведших к окончательному разгрому фашистской Германии. Почти каждый отмечен за подвиги высокими правительственными наградами. Но военкоры громили врага не только огнем. Большевистское слово также было их грозным оружием. Об этом хорошо написал присутствовавший на совещании писатель А. Шаров в очерке «Сила слова». Герой очерка — сержант Алексей Великжанин, командир орудия и редактор «Боевого листка». Он находил возможность и время выпускать свою боевую газету даже тогда, когда его славный расчет протаскивал на руках пушку на новый огневой рубеж в узких улицах Бреслау.

На совещании выступили поэты Илья Френкель и Михайло Стельмах. Илья Френкель прочитал яркие, талантливые стихи сержанта М. Толмачева. Михайло Стельмах прочел свои новые стихи.

Литературные лекции

Лекционное бюро Комитета по делам высшей школы при СНК СССР отметило на-днях двухлетие своей работы.

В мае 1944 года в системе Лекционного бюро была создана секция литературы и искусства. Это один из самых молодых отделов бюро. Им руководит коллегия в составе: П. Лебедев-Полянский (председатель), Б. Асафьев, И. Грабарь, А. Еголин.

Секция привлекла к своей работе известных поэтов, прозаиков, литературоведов, историков, искусствоведов. Среди них А. Фадеев, Л. Соболев, И. Эренбург, М. Исаковский, М. Алигер, Н. Тихонов, А. Степанов, А. Твардовский, Б. Пастернак, К. Симонов, Н. Гудзий, Г. Поляновский, Л. Гроссман, Д. Благой, Н. Пиксанов, В. Инбер, М. Морозов, П. Скосырев, Н. Бельчиков, Н. Гусев, Ф. Головенченко и другие.

Со дня основания секции в Москве было прочитано тридцать публичных лекций (из них 24 литературных) на самые различные темы — советская литература в дни Отечественной войны; Чехов и современность; М. Горький—великий патриот; о советском патриотизме и национальной гордости народов СССР; советская поэзия в дни Отечественной войны; подвиг и доблесть в произведениях советских писателей; Некрасов и Россия; великий русский баснописец Крылов; Фонвизин и его время; великий русский художник Репин; Глинка—основоположник русской музыкальной культуры; Тургенев и русская культура; современная английская музыка; Владимир Маяковский; русская литература и народ; Алишер Навои и др.

В виду большого интереса, проявленного слушателями названные лекции были повторены в воинских частях, наркоматах, на различных предприятиях столицы и краев, областей и республик Союза. Всего проведено 409 повторных лекций, из которых 188 — в Москве и Московской области.

В план секции литературы и искусства на сентябрь и октябрь включены лекции Н. Бельчикова о Т. Шевченко, П. Лебедева-Полянского о Добролюбове, В. Виноградова — «Великий русский язык», А. Еголина — «Освободительные идеи в русской литературе», М. Нечкиной — «Великий русский народ и его культура» и т. д.

Вечера туркменской литературы

С 15 по 25 сентября в кинозале Союза советских писателей, в Колонном зале, ЦДКА и других больших аудиториях Москвы состоятся вечера туркменской литературы.

Цель вечеров — ознакомить широкие массы с творчеством поэтов и прозаиков Туркмении. В Москву приезжают видные туркменские писатели: народный шахир, орденоносец Ата Салих, Б. Кербабаев, К. Буруннов, А. Каушутов, К. Сейтлиев, Д. Халдурды, Т. Эсенова, А. Кекилов, Р. Сеидов и др. В вечерах примут также участие народные артисты республики лауреат Сталинской премии А. Карлиев, А. Кульмамедов, народный бахши С. Джапбаров и др.

При правлении ССП СССР создана комиссия (председатель П. Скосырев), которой поручена организация вечеров туркменской литературы. Готовятся выставки художественных произведений туркменских писателей в Союзе советских писателей и в издательстве «Советский писатель».

Вл. ТАТИШВИЛИ

Грузинская литература в годы войны

Очередной пленум правления Союза советских писателей Грузии был посвящен обсуждению грузинской литературы за 1944—1945 гг. На обсуждение был поставлен обширный материал, вокруг которого развернулась оживленная творческая дискуссия.

Пленум открыл ответственный секретарь президиума правления Георгий Джибладзе.

Доклад председателя правления ССП Симона Чиковани раскрыл об'ективную картину состояния современной литературы Грузии.

С. Чиковани начал свой доклад с обзора грузинской поэзии военных лет: от лозунговых, призывных стихов, характерных для первого периода войны, — до полнокровных, реалистических произведений последующих лет.

Поэты И. Гришашвили, Ш. Апхаидзе, И. Абашидзе, Г. Леонидзе, Г. Гачечиладзе, К. Чичинадзе, Г. Абашидзе, Г. Табидзе и др. на деле доказали несостоятельность так называемой «теории дистанции», утверждающей невозможность создания значительных художественных произведений до тех пор, пока события не завершили свой цикл.

— Мы не ждали окончания войны, чтобы писать о ней, — говорит докладчик, — это, конечно, не значит, что мы исчерпали тему войны. О Великой Отечественной войне мы пишем и будем писать еще много, разрабатывая и углубляя ее темы, доводя их, по мере сил, до высокого эпического звучанья.

Некоторые наши писатели полагали, что с окончанием войны можно о ней забыть, можно отойти от больших тем, имеющих первостепенное общественное значение. Таким настроениям, к сожалению, поддался и талантливый поэт Алио Машашвили. Его последние туманные по содержанию стихи — образец беспредметной лирики.

Личный мир Алио Машашвили, — так, как он показан в последних его стихотворениях, — носит слишком абстрактный характер. Машашвили должен говорить своим собственным голосом, который мы хорошо знаем по его прекрасным стихотворениям «Гимн родине» и «Родина Вождя», — здесь поэт обнаружил подлинный пафос и острое политическое чутье.

Плодотворно работает поэт Виктор Габескирия, но свойственная ему лирическая форма не позволяет ему ясно выразить отношение к большим явлениям жизни. Стихи В. Габескирия однообразны и описательны.

— Некоторые стихотворения Галактиона Табидзе, посвященные колхозной деревне и Отечественной войне, как и поэма С. Шаншиашвили «Мать», свидетельствуют о неудачах авторов, о снижении в этих произведениях их поэтического мастерства.

Переходя к художественной прозе, С. Чиковани говорит:

— Советская действительность не находит должного отражения в нашей прозе. В Отечественной войне ярко выявились высокие моральные качества советского человека: самопожертвование, упорство, выносливость, мужество. Этими качествами наш народ обладал и до войны. Но мы не ощущали их в такой мере. Благородные черты характера советского человека небезуспешно пытались отразить Г. Шатберашвили в пьесе «Гора дум» и Б. Чхеидзе в рассказе «Закончивший войну». И все же в разрешении тем замечаются элементы искусственности. Печать спешки, незрелости лежит и на пьесах Ш. Дадиани, Г. Мдивани, К. Каладзе, Л. Готуа, С. Мтварадзе, посвященных Отечественной войне.

Грузинская художественная проза, посвященная современности, за годы войны развивалась слабо. Сегодняшняя действительность находила отражение по преимуществу в очерках Г. Натрошвили, И. Мосашвили, К. Лордкипанидзе, Д. Шенгелая, Р. Коркия и др.

Говоря о рассказах Ак. Белиашвили, о книге новелл Р. Гветадзе, рассказе Д. Шенгелая — «Мархеула», романе С. Тавадзе— «У врат Кавказа», книге новелл А. Ломидзе и рассказах Ладо Авалиани, докладчик отметил, что ни в одном из перечисленных произведений жизнь Грузии не отражена достаточно полно и художественно, нет живого образа героя.

Рассказы Р. Гветадзе, при всей их реалистичности, не дают больших художественных обобщений. А. Белиашвили слишком упрощает действительность. В отличие от произведений многих других авторов (исключение составляет очерк Ш. Дадиани «Победа»), рассказы Лео Киачели и о прошлом и о современности написаны с большим мастерством.

Такие писатели, как Ш. Дадиани, К. Гамсахурдиа, Л. Киачели, Д. Шенгелая, С. Клдиашвили, А. Кутатели, А. Чейшвили и др., создали большую советскую грузинскую прозу, высоко подняли историческую тему. С присущей им силой они должны отразить и новые явления жизни.

Увлекаясь историческим прошлым, писатели Грузии забывают о современном советском человеке. Историческая тематика во всех жанрах грузинской литературы занимает господствующее место. Стихотворения, романы, рассказы, пьесы пишутся, главным образом, на историческом материале. Критики также увлекаются прошлым, посвящая лучшие свои работы только старым мастерам. Поэты строят свои образы, которые, казалось бы, должны отобразить нынешнюю действительность, опираясь на героев далекого прошлого (Ираклий II, Георгий Саакадзе и др.).

— На пленуме Союза советских писателей СССР говорили об исторических романах К. Гамсахурдиа «Десница великого мастера» и «Давид Строитель», — продолжает С. Чиковани. Романы эти написаны на большом дыхании, они заслуженно пользуются вниманием советского читателя, но в романе «Десница великого мастера» чрезмерно много эротических сцен. Кроме того, если судить по этому роману (что, впрочем, относится и к другим романам), язычество — прирожденное свойство грузинского народа. Эту концепцию докладчик подверг серьезной критике, отметив, что древнегрузинская культура органически связана с христианством.

Эпичность повествования не мирится с увлечением деталями и историческими аксессуарами, требует более динамического раскрытия образов. Было бы хорошо, если бы исторические лица, написанные Гамсахурдиа в манере фресок, во второй и третьей книгах «Давида Строителя» сошли со стен и воплотились в живых образах.

— Путь грузинской литературы определил Шота Руставели, — говорит далее С. Чиковани. — Грузинской литературе свойственны произведения, чеканные и по содержанию и по форме. Нам необходимы произведения с ясным содержанием, крепкой и стройной композицией. Восточный экзотизм не увязывается с природой грузинской литературы, и такой писатель, как К. Гамсахурдиа, в первую очередь должен уяснить себе это.

С. Чиковани отметил далее произведения, разрабатывающие тему дружбы народов, — роман Ак. Белиашвили «Жизнь Бесика Габашвили», стихотворения Х. Вардошвили, Г. Леонидзе, А. Абашели, Г. Табидзе, А. Машашвили, поэму С. Еули «Из орлиного гнезда», пьесу Л. Готуа «Ираклий второй» и др.

В конце доклада С. Чиковани говорил о современной грузинской критике, о работе журнала «Мнатоби» и газете «Литература да хеловнеба».

Выступившие в прениях писатели — Лео Киачели, С. Тавадзе, К. Бобохидзе, К. Чичинадзе, В. Горгадзе, Качмазов (Юго-Осетия), Бгажба (Абхазия), С. Авчиян (армянская секция), Г. Бердзенишвили, И. Хоштария, С. Цверава, Вера Шубладзе, М. Лебанидзе, С. Клдиашвили, Н. Чачава, А. Чейшвили, А. Ломидзе, В. Габескирия, Д. Бенашвили, К. Гамсахурдиа, А. Гацерелия, Г. Джибладзе — говорили о существенных вопросах творческой практики, уделив особое внимание критике и методам оценки современной литературы.

В конце прений выступил секретарь ЦК КП(б) Грузии по пропаганде тов. П. Шария; он призвал писателей терпимей относиться к критике их произведений, почаще собираться для творческих бесед, дискуссий, обсуждений, приблизиться к действительности, научиться обобщать и типизировать.

В качестве иллюстраций тов. П. Шария привел несколько произведений, помещенных в шестом номере журнала «Мнатоби» (роман Ак. Белиашвили «Гроза», стихотворение А. Машашвили «Осень», стихотворение К. Надирадзе и др.), как явно недопустимые по своему качеству.

ТБИЛИСИ **(Наш корр.).**

Л. ПАСЫНКОВ

Чувство родины

Пред нами — новая, одиннадцатая книжка альманаха «Дружба народов». В ней представлены украинцы, литовцы, эстонцы, латыши, белоруссы, армяне, туркмены, казахи, таджики, марийцы, азербайджанцы, узбеки. Все они пережили общие испытания, закалку войной, все были в боях и в тылу — за оборонной работой.

Открывается книга большим стихотворением Павло Тычины, свидетельствующим о горячей дружбе, связавшей выдающегося поэта Украины с братским народом Башкирии, где он провел первые годы войны. Не литературный прием, а выражение сердечного чувства видим мы в строках «Грозы»:

Любовь к земле, как небо, — надо всем!
В бой, в бой, ни сил, ни жизни не жалея!
Хай быльяям, язек быльяям *

Тычина видит горы Башкирии, видит и украинские просторы, и то, как «За Днепром прославленные части для человека добывают счастье». И так же, как Тычина, издали видит свою родину Людас Гира.

Нам Литва такою снится:
На земле московской, знаю,
Мы нашли ее частицу,
И близка земля родная.

Благословляя русские земли из далекого советского тыла, Гира зорко глядел в родную сторону, мечтая о васильках и маках своей республики, тоскуя по чабору, по соловьиным трелям литовских темных лесов. И с растущим, расширяющимся чувством большой советской родины поэт стремится на Берлин — добить врага. Так — чрез милый сердцу белорусский пейзаж Антон Белевич утверждает чувства патриота («На Полесьи город есть такой», «След»). Нет слаще для поэта скромной природы Белоруссии, и тем дороже эта природа, что «чрез тихие полянки летят на Запад советские танки». Такое же действие оказывает на Ашота Граши знойный пейзаж Армении. Мимо горных родников и тополей на конях рвутся в Берлин всадники-армяне. Поэт-мариец Макс Майн из-под далекой Жиздры острей почувствовал свою неразрывную связь с родиной:

С каждым часом все роднее
Мне страны моей края.

И с юга, где война, на север, «где покойные катятся волны Элиета», шлет солдатский привет другой поэт-мариец Николай Казаков. Такие же мотивы расширившегося чувства родины звучат и в фольклорных «Песнях непокоренной Украины». Во всех этих стихах пришли в движенье чувства, нам издавна хорошо известные, и теперь глубже постигнутые в литературе — чувство неразрывного — в беде и счастье, братства наших народов. Это будит почти физическое ощущение, и с этим ощущением переходим от одного произведения к другому. Национальная литературная форма не разделяет литературы, не отчуждает, а как бы является особо убедительной разработкой одной и той же мелодии в разных ее регистрах.

Верность нашего восприятия подкрепляется чтением отрывка из узбекского народного эпоса «Раушан». Прихотливая и всегда убедительная лепка образов внушает нам не покидающее нас до конца радостное чувство. Нас согревает искренность словесных нарядов, свежесть молодых сил героя большого цикла народных сказаний Раушана. Но вместе с тем, нас не покидает ощущенье прожитых времен, устарелого опыта, замкнутости эпоса в прошлом; здесь все полно национальных, вернее, внутринациональных чувств: советскому человеку тут интересно, как в музее, но немного душно. С этим чувством мы снова возвращаемся к работам Белевича, размышляем над стихами Гиры, Граши, Майна. Им далеко до изобразительной силы безвестного автора «Раушана», но они отличимы иным; если б здесь была уместна математическая формулировка, мы сказали бы, что в «Раушане» чувство родины выражено в арифметической прогрессии, в то время, как авторам советских песен и стихов о родине, каковы б ни были их поэтические средства,— материал дался чрез прогрессию геометрическую — мир им видел шире, безбрежность родины для них ощутительней, более велики предметные и сердечные, поэтические дали.

Когда-то Гейне пытался говорить с арабом, зная лишь несколько арабских слов, но араб понял Гейне, ибо Гейне—поэт. Поймет и советский башкир Тычину, приветствующего башкира всем сердцем:

Хай быльяям, язек быльяям.

Да здравствует отчизна тонкостанная в Жиздре и Мозыре! Да здравствует она в горах Карабаха и на пензенской равнине, да здравствует всюду общая наша любимая отчизна!

* Жизни своей не пожалеем за отчизну тонкостанную.

***

Многими своими частностями любопытны отрывки из романа Берды Кербабаева «Решающий шаг» («Артык»). Здесь мы, прежде всего, открываем для себя, граждан обширной, многонациональной нашей родины, нечто неожиданное.

Туркменский читатель времен «Гуруглы» мог бы думать, что пред ним — изображенье одних только родных мест. Мы же, читатели советские, видим не один туркменский аул, а множество аулов любых наших народностей на уровне определенной стадии развития материальной, да и духовной культуры.

Пусть бригадир-поливщик, с его весьма далеко идущей властью, у туркмен называется «мирабом», а у киргизов «кокбашем» (хозяином зелени), а у даргинцев «хулелом» и пр., он повсюду — центральное лицо аула; за место бригадира-поливщика борются все местные роды, чтобы иметь «своего человека» в важнейшем деле. И в полупустыне Туркмении, и в плодовых долинах, «хендыклях» аварцев, — одни характеры «мирабов», одна борьба за то, чтобы мираб был «своим». Отсюда иногда в литературе и «одни» сюжеты.

Но важно, как построен сюжет, какой общечеловеческий материал он выносит на национальном примере и чем он впечатляет многонационального читателя? И вот, надо сказать, что материал кербабаевского романа создает широкое представление о жизни людей, людей вообще — на известной стадии развития их культуры и быта.

Разумеется, не этим одним исчерпывается интерес советского читателя к отрывкам. Пред нами жизнь — недавняя, но еще старинная. Обычаи от века застойные. Ничто внешнее почти не меняется. Тем любопытней следить за тем, как пробиваются ростки нового. Кербабаев не вымышляет. В «Артыке» нет ничего необычайного. Мачеха хочет выдать девушку за богача. Девушка бежит с тайным женихом. Облава. Действующие лица, словно из старинного, много раз переписанного традиционного перечня «действующих лиц». Кербабаев к тому же не избегает пословичной, веками отстаивавшейся мудрости народа, и хотя пословица никак не может заменить живого, изменчивого хода мысли, Кербабаев окрашивает ею живую речь жениха Артыка, невесты Айны, мачехи Мама. Наблюдательность писателя показала нам не манекенов, а кипучие сердца Артыка, Айны. Великолепна живопись Кербабаева. Десятью строками скупо, но выпукло изображена нищая юрта Артыка — для него она «дороже трона Сулеймана». Артыку нужно немного, чтоб вызвать к нему любовь.

Жизнь элементарна, а характеры — сложны. Изобразить это легко, имея зрелый талант. Он есть у Кербабаева. Но хватит ли ему художественных средств, отпущенных природой и пониманием определенного уровня жизни? Ответ на этот вопрос дадут новые работы романиста.

И этот же вопрос неизбежно возникает в связи с чтением рассказа Деборы Вааранди «Брат». Увлекательно показан небогатый «быт» эстонской девочки. В наши дни, в Москве, девушка вспоминает прошлое, остров Саарема, домик дедушки Эзры.

Мирок скудной, расчетливой идиллии, поросшее можжевельником суровое пастбище; на тяжелой косовице брат уступает сестре «лучшее место». В лабиринте кустов и кочек облепленные оводами детишки грызут соленую салаку с картошкой. Скудна, несыта жизнь девочки, она рано вытягивается на работе в поле, на каменистой площадке, за помещичьим парком. Она жаждет знаний. Брат, изнемогая, режет чужой торф, чтобы купить сестренке жалкий воротник: «В городе все носят пальто с воротниками».

Но вот мы с интересом прочитали страницы, относящиеся к ааремской жизни. Часть рассказа, посвященная советской жизни, нас разочаровывает. Неторопливое, художественно впечатляющее письмо Вааранди сменяется скорописью. Событий много. И будто бы «все» их надо вписать, но ведь рассказ — не универмаг, и всего с полок памяти не выложишь на читательский прилавок. Конфликты намечены правильно, но мясом живым они не обросли. И мы убеждаемся — в какой уже раз! — что дарованье — только одна сторона дела, одна из гарантий удачи.

Вспоминаем тут и Кербабаева. Он впечатляет нас, когда занят прошлым, но еще, по чести говоря, силы Кербабаева пред нами не раскрылись на материале наших дней. И это мы относим и к «Истокам маленькой реки» Яниса Грантса: в рассказе черты былой жизни фабричной браковщицы чулок Дайны естественней, чем ее нынешняя жизнь героини-снайпера. К нам возвращается беспокоящий нас вопрос и в отношении к «Третьему сыну» (Ата Каушутов) — отрывок романа рисует живых, теплокровных людей, но мы замечаем то, что живы они чертами, унаследованными от прошлой, отцовской жизни туркмен, меж тем бытовой опыт совсем другой у Амана-Пошчи и Ораз-Гюль. Они — люди поры Великой Отечественной войны. Как часто мы видим, что в отрывке «Третий сын» военная пора — даже не фон, иногда даже и не отзвук наших дней, а одни слова...

Никакого вопроса мы не обращаем к даровитому азербайджанскому писателю Мехти Гусейну, поскольку в новелле «Огненный меч» он ограничился изображением замков, меча, «блиставшего в седьмом веке нашей эры». Может быть, автору казалось, что седьмым веком, характером храбреца былой поры, Джаваншира, он вполне удовлетворительно об'ясняет черты современных храбрых патриотов Азербайджана, но мы в седьмом веке автора не нашли никаких ответов на современность и, следовательно, никакой нужды в этой односторонней «параллели» не видим.

В пьесе узбекского драматурга Иззата Султанова «Полет орла» выведены подлинные недавние герои, в том числе М. В. Фрунзе. Написана пьеса живым, энергично-сжатым языком, имеет явные драматургические достоинства, но к финалу художественные приемы мельчают, эпизоды, ради занимательности, что ли, раскалываются быстро сгасающими «столкновеньями», и не успевает вырасти то, что важней всего в драматургии,— характеры людей в естественной борьбе интересов и поступков.

В разделе критики помещена содержательная работа Н. Пиксанова «Горький в общении с писателями братских народов». Статья Евг. Лундберга «Абай — учитель жизни» написана с большим проникновением в материал. Но по странной, укоренившейся в юбилейных статьях привычке Евг. Лундберг увлекается всякого рода уподоблениями писателей разных эпох и народов друг другу, теряет в этих уподоблениях всякое чувство меры и утверждает понятия сомнительные. В первую очередь автор статьи сближает Абая с Гоголем. Абай, по слову Евг. Лундберга, не отбрасывал, подобно Гоголю, свои горькие постижения «ради водворения в душе стройности и порядка» (слова Н. Чернышевского), и, подобно Гоголю, был проникнут «сознанием о соответствии и несоответствии изученных явлений с нормою разума и благородного чувства» (так же из определения Н. Чернышевского).

Евг. Лундберга, однако, интересует не только общее между Гоголем и Абаем, но и отличие их. И оказывается: «Гоголь почувствовал себя учителем жизни, отойдя в сторону и свысока взглянув на дело современников, — Абай неизменно участвовал в будничной жизни своего народа». В этом заключении автора излишняя резвость пера. Забыв обо всем на свете — о разности эпох, среды, степени культуры народов, обстоятельств, индивидуального своеобразия писателей, Евг. Лундберг легко и просто об'явил Гоголя слугою феодализма, а Абая — противником, борцом с феодализмом. В другом месте Евг. Лундберг также мимоходом, не задумываясь, возвышает Абая, унижая Пушкина и Лермонтова. «И Пушкин, и Лермонтов, которым Абай столь многим обязан, отзывались на смерть, как лирики. Абай же ненавидит ее, как боец». И невольно мы спрашиваем себя, когда же кончится чад юбилейных славословий и придет час настоящего уважительного опознавания великих деятелей прошлого в том неповторимом, что внесено каждым из них в сокровищницу культуры? Альманах «Дружба народов» по самому назначению своему должен давать образцы проникновенного изучения деятелей многонациональной нашей культуры.

За немногими исключениями все и в этой книжке «Дружбы народов» направлено на раскрытие нового материала нашей жизни: поэтому так законно и заметно ширится в стихах и прозе чувство большой нашей родины, раскрываются черты нового человека.

Иллюстрации художника В. Лебедева к книге С. Маршака «Голуби» (Детгиз).

М. ГЕЛЬФАНД

Лица и маски

В последней книге «Ивановского альманаха» обращает на себя внимание невероятное количество стихов. Из 227 страниц текста больше шестидесяти отдано стихам, по преимуществу лирике! Если даже учесть все особенности и трудности такого издания, как областной альманах, надо будет признать долю лирики непомерной. С другой стороны, тут, собственно, нечему удивляться. Не подлежит сомнению, что редакция просто располагала большим выбором стихов, и это определило структуру сборника. Видимо, здесь сказалось действительное положение, существующее не только в ивановской редакции. Почему так — вопрос иной, и обсуждать его надо особо.

Стихи в сборнике, как правило, грамотны, свободны от слишком явных и грубых промахов, не грешат против элементарных требований вкуса. Слабее других вещи Мих. Кочнева. Я отмечаю это потому, что Мих. Кочневу принадлежит не менее трети всех стихов сборника. Это совершенно непонятное предпочтение. Стихи Кочнева не только не возвышаются над общим уровнем, — его небольшие поэмы о Суворове («Ночь под Измаилом») и Ленине («Гость» и «У Ленина») временами просто ужасают, — до того беспомощно и примитивно трактованы в них великие и дорогие нам всем образы.

Вот несколько примеров. Ночь под Измаилом. Русские готовятся к решительному штурму, третьему по счету (первые два были неудачны). Два солдата обсуждают положение. Один, скептик, не верит в успех дела. Другой, естественно, оптимист и держит (в 1790 г.!) такие речи:

Война-то, брат, идет по плану (?!),
Не торопись, Петро, дай срок,
Тряхнем турецкого султана,
Как починю я свой сапог.

Пессимист твердит свое.

И вдруг во время разговора вышел к солдатам генерал...

Кто это такой, нам не сообщают, а предлагают, уповая, должно быть, на нашу догадливость и еще больше на заголовок поэмы, следующие «приметы»:

Волос седеющие пряди
И стариковское лицо,
Улыбка теплая во взгляде
С лукавой русской хитрецой.

Как свежо, как оригинально, а, главное, как похоже на Суворова! Но ничего не поделаешь...

Полководец прислушивается к солдатскому спору; конечно, ему нравится бодрый тон оптимиста.

...и на лице у генерала
Улыбка мягко расплылась

И так до самого конца — ни одного живого слова, ни одной действительно характерной черты.

Два стихотворения о Ленине выдержаны Мих. Кочневым в духе той же «мягкой расплывчатости». В первом Ленин фигурирует в образе незнакомца, которого действующие лица поэмы сразу же опознают, а читатель обязан узнать по одной единственной «примете»:

Говорит чуть-чуть картаво
Незнакомый человек.

Будем справедливы. Мих. Кочнев не лишен дарования; он только плохо знает, что он может и чего не может. Когда он не берется за то, что ему явно не по плечу (к сожалению, чаще бывает наоборот), и настраивает свою лиру на более скромный лад, ему удается извлекать из нее более верные звуки. Сошлюсь хотя бы на стихотворение «В дороге». Зима, степь, безлюдье, одинокий путник.

В пустых полях ни звука.
Куда мне сердце деть?

Где-то осталась женщина, по которой тоскует путник.

Сейчас в твоей квартире
Покой и тишина.
В огромном зимнем мире
Такая ты одна.

Это не очень оригинально и даже немного вяло, но, повторенное дважды — в середине и в конце стихотворения — это четверостишие создает именно то настроение, которое хотел выразить поэт.

Что можно сказать об остальных поэтах—участниках сборника? Почти все они владеют, хоть и в разной мере, неким поэтическим «техминимумом» и сравнительно лучше всего справляются с собственно лирической темой. Нельзя говорить тут о самостоятельном и зрелом мастерстве, но обнадеживающие примеры, безусловно, налицо. Так, И. Дружинин совсем неплохо описывает природу.

Мы сидели долго-долго,
Бились волны о песок,
И выплескивала Волга
Сотни звезд у наших ног.

(«На Волге»).

«Ивановский альманах». книга 5—6, ОГИЗ. Ивановское областное государственное издательство, 1945.

Сдержанно по тону, но с сильным лирическим «подтекстом» разработана тема прощания в небольшом стихотворении Льва Озерова «Мать». Уходящий — мужчина; у него нет слез, но зубы стиснуты и под конец вырывается стон:

Я жив, но от сердца отломлен кусок —
Украинский ветер — родной ветерок.
Прощайте!
О, где же ты — белый до боли —
На светлом лугу материнский платок?!

Выделяется хорошим чувством стиля и четкостью образа другое стихотворение того же автора — «Северная гравюра». Определенный хотя еще и очень неоформленный лирический дар чувствуется в отдельных «Письмах с фронта» Бориса Озерного (из одноименной лирической серии).

Надо заметить, что большая, гражданская или историческая, тема удается поэтам сборника гораздо хуже. Я не говорю уже о совершенно несостоятельных попытках Мих. Кочнева. «Слово о родине» И. Ханаева сделано с несравненно большим разнообразием средств; тем не менее и в нем преобладают риторика, условность, книжные реминисценции, готовые ассоциации. Разумеется, тут не может быть и речи о какой-либо эстетической «закономерности». Причину этих неудач надо искать в другом: в недостатке общей и специально поэтической культуры, наконец, в нетворческом, поверхностном, трафаретном отношении к самой теме.

Переходим к прозе. Она представлена двумя повестями и девятью короткими рассказами. Лучше других рассказы В. Полторацкого. В них нет ничего из ряда вон выходящего, но по крайней мере чувствуется, что они писаны «с натуры» человеком, который видел войну и проделал с Красной Армией не один боевой поход. Рассказы М. Белоберезова и Дм. Прокофьева — тоже «о войне», но они больше похожи на копии с копии, притом на копии очень бледные. По существу, все здесь сводится к определенным, многократно уже использованным сюжетным схемам. Это рассказы-скелеты; их, вероятно, можно изготовлять машинным способом.

Из двух повестей, вошедших в состав сборника: Л. Галич — «Будущее» и М. Шошин — «Палешанин», я лично склонен отдать предпочтение первой. Она сравнительно более умело написана и, кроме того, заставляет думать, вызывает на спор, а это немаловажное достоинство. В центре повести — драма пожилой женщины, у которой война отняла последнего сына. Это не обычная драма одинокой старости; это еще и трагедия материнского сердца, не успевшего растратить всех запасов любви и нежности. Старая ткачиха Анна Соколова не может жить без того, чтобы не быть кому-нибудь матерью. Но жизнь безжалостно лишает ее этой радости. Кого ей любить? Главное, на кого ей изливать свою нежность? На мужа? Это суровый, замкнутый, «железный» человек, весь ушедший в борьбу и работу. Может быть, взять на воспитание сироту из детдома? Муж против: оба они уже стары, больны и не имеют нравственного права подвергать ребенка ужасам вторичного сиротства.

С этим нельзя не согласиться, но как же все-таки быть Анне Соколовой? Автор пускается на компромисс: он все же посылает ей ребенка, но родного по крови, внука, о существовании которого ни дед, ни бабка раньше не подозревали, так как вообще не знали, что покойный сын был женат.

На сцене появляется, вместе со своей матерью, очаровательной молодой женщиной, великолепный бутуз, как две капли воды похожий на покойного капитана Сергея Соколова. И немедленно же все меняется, как по мановению волшебного жезла. Тоски и одиночества как не бывало. Жизнь старой ткачихи заполняется новым содержанием: она совершает трудовой подвиг, о ней пишут в местной газете. Даже старший Соколов, вечно хмурый, неулыбающийся человек, становится другим. Он улыбается внуку и даже позволяет себе — впервые за тридцать-сорок лет — приласкать жену.

В сущности, что можно против этого возразить? Так бывает. Это и есть жизнь, прекрасная и бессмертная жизнь, которую, как правильно говорится в повести, люди, подобные сыну Анны Соколовой, отстояли для своего народа в великой и страшной борьбе. Но автор пытается дополнить картину жизни некоей моральной схемой, и тут мы должны с ним спорить. Приглядитесь к «обстановке». Не кажется ли вам, что Соколова страдает в значительной мере из-за суровости и замкнутости самых близких ей людей? Она не так остро переживала бы потерю сына, если бы могла делиться своим горем с мужем, который ничего не хочет знать, кроме ненависти и борьбы. Она могла бы раньше узнать о семейной жизни сына, если бы тот был более откровенен с матерью. Так обнаруживается в повести скрытый конфликт между двумя характерами; с одной стороны, Анна — любовь, нежность, доброта, открытое сердце, с другой,—отец и сын Соколовы — борьба, ненависть, суровая замкнутость. Пусть так: это разные характеры, и с этим надо считаться, как и со всяким другим фактом. Плохо то, что автор превращает этот обычный жизненный конфликт в антагонизм двух «начал», из которых одно должно уступить место другому. Прислушаемся еще к переживаниям героини: «Оставшись наедине со своими станками, Анна Петровна быстро втянулась в привычный ритм работы и привычно обратилась к прошлому. Но сколько она его ни вызывала, прошлое не явилось. Будущее, необ'ятно-просторное, светлое, как весенние луга, широко раскинулось перед ней и заслонило все пережитое». (Подчеркнуто мною. — М. Г). Рано, слишком рано зовет нас автор забыть «пережитое». И не только потому, что повесть писалась в разгаре войны, но и исторически рано. То, что автору кажется только «прошлым», только «пережитым», есть на самом деле необ'ятный арсенал идей, чувств, страстей, опыта, без которых нам не завоевать и не обеспечить за собой будущего. И это касается всех нас без исключения, в том числе и Анны Соколовой. Она может исцелиться от острой, убивающей скорби по сыну, но она не может забыть, что самая возможность такого исцеления завоевана для нее тоже сыновней кровью.

В повести М. Шошина «Палешанин» нет материала для серьезного спора, но в ней мало и настоящей жизни. Об этом лучше всего свидетельствует самая канва вещи, представляющая собой главным образом нагромождение счастливых случайностей. В начале повесть подает еще кое-какие надежды. Герой — молодой колхозник, скромный, робкий, но чистый душой. Он тайно влюблен в хорошую девушку Ганю, которая своей бойкостью и смелостью составляет полный контраст ему. Любовь придает ему храбрости: чтобы не оскандалиться перед девушкой, он остается ночью один в лесу стеречь колхозный скот. Там на колхозных телят нападают волки. Парень сначала убегает, но потом спохватывается и, подобрав случайно подвернувшийся ему обломок оглобли, дает волкам жестокий отпор. После этого девушка «временами стала ощущать, что Костя занимает в ее жизни какое-то место». Потом Костю призвали в армию. Дома у него осталась старуха-мать. Девушка Таня проводила его и напутствовала добрым словом. На фронте он сразу же стал показывать чудеса храбрости и находчивости, как разведчик и истребитель танков. Там же он подружился с замечательным снайпером Мелешко, который мстил немцам за своих родных, погибших на Украине. В свое время командование наградило снайпера ценным подарком: черным лаковым расписным портсигаром палехской работы. Косте очень понравилось мастерство палешан. Это — тоже счастливая случайность. Как мы увидим дальше, она окажет большое влияние на судьбу некоторых участников повести. В одном из боев молодой герой был тяжело ранен и потерял руку. В части были уверены, что он убит, и сообщили об этом матери. Для нее это, конечно, было страшным ударом, но она не пала духом; дружба с девушкой, которая любила ее сына, явилась для матери большой поддержкой. Они решили взять вдвоем девочку-сироту на воспитание. Девочку они нашли в детдоме, при активном содействии председателя колхоза, доставили ее к костиной матери и по счастливой случайности они выбрали дочь Мелешко, который считал ее погибшей. Там она очень скоро стала их любимицей. Некоторое время спустя вернулся домой случайно уцелевший и уволенный вчистую Костя. Разумеется, его возвращение было величайшей радостью для матери и девушки. Отдохнув немного, Костя отправился к председателю колхоза устраиваться на работу; ему предложили должность бригадира; он согласился. В заключительной части повести герой едет в Палех, чтобы заказать подарок невесте. Художники показали ему письмо Мелешко, который, прилагая фотографию своей маленькой дочери, просил сделать с нее миниатюру на шкатулке. Косте показали и миниатюру, выполненную по заказу Мелешко, и он опознал в ней питомицу матери. Так по счастливой случайности Костя нашел и вернул своему боевому другу дочь.

На этом заканчивается повесть. В ней 44 страницы совсем неубористого шрифта. Нужно поистине незаурядное дарование, мастерство, чтобы, во-первых, правильно разместить в этих тесных рамках такое множество эпизодов и, во-вторых, насытить их подлинно жизненным содержанием. То, что дает нам М. Шошин, больше всего походит на растянутый конспект. Временами читаешь и не знаешь, — о своих ли героях рассказывает писатель или передает содержание чужой книги.

«Таня чувствовала, что любит Костю крепкой, вечной любовью русской женщины, любит до гроба, до последнего дыхания. Она гордилась тем, что первая и, может быть, единственная в колхозе открыла в нем большую душу, золотое сердце, скромного, доброго, хотя по внешнему виду робковатого парня».

По цитированному отрывку можно судить, что Шошин стремится быть безыскусственным. Но настоящей безыскусственности не бывает без большого искусства. У М. Шошина этого нет. Его «безыскусственность» чаще всего смахивает на серость, и простота — на простоватость. О нашем суровом, бурном, огненном времени Шошин пишет удивительно вялым, бесцветным, безличным, местами слащавым, местами сбивающимся на невольную пародию языком. Бой. Немцы атакуют. Советский командир решил подпустить их поближе. «Немцы, казалось, были уже совсем рядом, а команды «огонь» все еще не было. Теперь уж Жиляев не волновался, не потел, а пылал страшным, иссушающим огнем».

Другой пример. Председатель колхоза присутствует при том, как мать Кости Жиляева ласкает свою питомицу. «Настасья порывисто взяла ее на руки и крепко прижала к себе. «Могутной души старуха», — подумал председатель». Или еще: «Исчезла веселая, румяная, подвижная, как ветер, вездесущая Таня. С головой выдавали теперь ее голубые выразительные прекрасные глаза. Исчез в них жаркий блеск юности, подкупающая доверчивость...»

Я уже сказал, что повесть М. Шошина не дает поводов для серьезного спора. Все в ней почти идеально: герои, их поступки, их судьба. Беда лишь в том, что мы их не видим, не слышим, не чувствуем, а потому и не верим ни в «могутность» и «страшный огонь» их души, ни в голубизну их глаз. В жизни они, несомненно, таковы, но в повести М. Шошина эти реальные качества и краски вторично не оживают: слова остаются словами, не превращаясь в образы искусства. Повесть Шошина, как, впрочем, и многое другое в сборнике, чем-то напоминает произведения живописцев, которые, изображая человеческое лицо, подменяют бесконечно богатую гамму живого тела подсиненными белилами. Это отнюдь не всегда безграмотные живописцы; но ложный подход к задаче губит их: вместо человеческого лица у них получается синевато-бледная гипсовая маска. Такие гипсовые лица часто смотрят на читателя со страниц «Ивановского альманаха».

Б. ПЕСИС

Великий голос

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ АНРИ БАРБЮСА

Барбюс принадлежит к поколению демократических писателей, выступивших во Франции на рубеже XIX—XX вв. на смену Эмилю Золя. Их приход был связан с под'емом общественного движения, в котором, как показала борьба дрейфусаров, интеллигенция об'единилась с рабочими. Из ненависти к этому движению или по непониманию того, что оно значило для литературы, пессимистическая критика изображает конец века во Франции, как время безраздельного господства сумерек и декадентства. Между тем именно общественные бури 90-х годов об'ясняют нам то, что называли «чудом» такие критики: появление в это время ряда писателей, которые, в противовес декадентам и натуралистам, провозгласили себя борцами за «новую правду» в литературе.

Барбюс начинал в эти годы. Это было не легко. Литературная реакция всячески старалась отбить вкус к баррикадам у молодых писателей и внушить им, что кризис натурализма означает конец всякой реалистической литературы, «литературы черни». Молодые писатели росли по своим углам, в одиночку. Единомышленники встречались и расходились, так и не узнав друг друга. Так, Ж. Ренар равнодушно отмечает появление первых книг Ромэн Роллана и Барбюса, не подозревая, что они из той же породы «правдоискателей». Но сила, родившая это движение, действовала независимо от личных судеб и связей писателей. Она заставила их взяться за решение задачи, важнейшей для французской литературы XX века: вопреки традициям светской литературы, уходу писателей в общественную верхушку, обновить литературу, восстановив ее связи с народом. Золя не был и не мог быть их единственным советником. И здесь сказалась — впервые с такой силой — роль русской литературы или «русского реализма», как говорили французы. Толстой своими могучими руками поддерживал подрастающее гуманистическое движение во Франции. Роль Толстого в развитии Ромэн Роллана общеизвестна. Знаток творчества Барбюса Анри Эрц указывает, что русский реализм имел решающее значение в формировании Анри Барбюса. Не подлежит сомнению, что французское правдоискательство того времени было своеобразной формой «срывания всех и всяческих масок» с собственнического строя. Именно с этой стороны шло влияние русской литературы на Барбюса.

Барбюс знал, в каком мире он живет. Барбюсу принадлежат замечательные слова, которыми он определял свое отношение к традиционному социальному порядку: «Будь всегда настороже, как лев!» В молодом Барбюсе рождались этот львиный гнев и беспощадное недоверие к фасаду буржуазного мира. Его первые книги мрачны до черноты. Разоблачителем в них выступает странный персонаж, ведущий свои наблюдения над действительностью из какого-то инферинального подполья. И тем не менее уже в романе «Ад» Барбюс не только срывает завесы с буржуазной морали, но переходит к разоблачению того, что составляет основу, фундамент «ада»: социальное рабство, неравенство, войны, власть предрассудков. Эту пессимистическую книгу распирает от чувств и мыслей, характерных для Барбюса и резко отделявших его от декадентства. Герой «Ада» понимает, что надо итти от всяких адских лабиринтов, от «хитросплетения частных случаев» к пониманию «всей правды». А вся правда — в том, что «закон, в силу которого одни родятся богатыми, другие бедными, есть величайшая несправедливость, столь же вопиющая, как древний закон рабства»... Это только начало. Но оно не могло не быть революционным».

Вот почему Барбюс, передавая в письмах жене свои разговоры с солдатами об «Огне», вправе был сказать, что «всю свою жизнь думал о вещах», настоящий смысл которых ему открылся в окопах первой мировой войны.

От большинства западных писателей, изображавших эту войну, Барбюс как раз и отличается неприятием не только этой войны, но и того мира, «мирного порядка», который ее породил. Писатели-пацифисты, расписывая «ужасы войны», одновременно расписывали прелести довоенного «рая», создавая вокруг «конструктивных» периодов существования капитализма фальшивый ореол свободы и счастья. — Барбюс увидел в первой мировой войне последний, седьмой круг того ада, тайну которого он начал разгадывать до 1914 года.

«Огонь» — это «дневник одного взвода», солдатский эпос, «слово» о двести тридцать первом полку, сражавшемся на французском фронте в годы 1914—1916. В бесчисленных солдатских диалогах Барбюс показывает, как мудрость народа овладевала «тайной» этой войны. Мы идем не за отдельными героями. В одиночку многие из них еще темны, слабы. Мы идем вместе со всей массой, сильной своей сплоченностью, прозревающей сообща. Так поступал и сам Барбюс, который долго прислушивался к голосу «пролетариев боев», прежде чем стать их «великим голосом», — так назвал его Ленин.

Народ осознает себя в этой книге как великая сила, способная отстоять родину, и в то же время как жертва, орудие тех, для кого эта война была источником прибыли и необходимым условием социального господства. Это противоречие Барбюс имел в виду, когда писал: «Война совпадает и не совпадает с массой». В том, что несправедливая война велась руками народа, — величайшая трагедия, но и величайшая надежда. Таков об'ективный смысл книги Барбюса. «Тридцать миллионов рабов... поднимают головы, и на их человеческих лицах, наконец, появляется выражение воли. В руках этих рабов — будущее».

Горький писал об «Огне» Барбюса: «Мрачная книга его страшна своей беспощадной правдой, но всюду во мраке изображаемого им сверкают огоньки нового сознания».

В романе «Ясность» свет этого нового сознания собран в одном человеке, которого война сделала зрячим.

В ленинской оценке книг Барбюса и, в частности, романа «Ясность» раскрывается основополагающая роль этих книг во всей передовой европейской литературе в период между двумя мировыми войнами. Важнейшей темой этой литературы было отрезвление мелкого буржуа, обывателя и превращение рядового интеллигента, «массовика» в революционера. Герой Барбюса, еще не вылезши из окопов мировой войны, начинает тот пересмотр ценностей, который занял умы целого поколения интеллигентов, и не только французских, в послевоенное двадцатилетие. Барбюс первый на Западе показал драму «одиночки» во всех ее самых сложных связях с драмой народа.

В романе «Ясность» впервые возникает тот образ, без которого уже не будет ни одной книги Барбюса: «Русская республика». В «Словах бойца» Барбюс, бывший участник войны, выступает как боец за социальную справедливость. Он становится «великим голосом» нового мира, возникшего на востоке Европы. Интервенты рассчитывали силой раздавить молодую советскую республику. Барбюс выступает против них, пользуясь тем оружием, которое он считал самым сильным оружием писателя: он рассказывает правду о Советском Союзе и правду о его врагах.

В обращении, озаглавленном «Мы обвиняем», Барбюс называет антисоветскую интервенцию «противочеловеческим деянием». Он обвиняет реакционных правителей Франции и Англии «в том, что они оставили в распоряжении Германии оружие, командный состав и огромное количество солдат; в том, что они фактически стали виновниками этой военной реорганизации, несущей в себе угрозу реванша, — и это для того, чтобы легче подавить требования народов России, Германии и других стран; в том, что они таким образом еще раз пожертвовали безопасностью родины и будущим миром, повинуясь своей классовой ненависти».

«Спасите человеческую правду, спасая правду русскую!» Мысль о том, что «русская правда», правда советской страны, стала всечеловеческой правдой, проходит через все выступления Барбюса. Он разговаривал с европейской реакцией на языке воина, за которым стоит несметная сила. Это сознание позволяло ему брать на плечи гигантское бремя организации антифашистского движения во всем мире. Барбюс видел, как росла угроза войны, как она обострилась с приходом гитлеровцев к власти в Германии. Этот бесстрашный зачинатель, вожак понимал, что сила антифашистского движения против войны — в его массовости. Говоря о Франции, о сплочении народных сил, Барбюс повторял друзьям за несколько часов до смерти: «Расширяйте! Расширяйте!».

Раз'ясняя западной интеллигенции ее долг перед народом, Барбюс неизменно ссылался на творчество интеллигенции в СССР.

Прежние идеи правдоискательства развертываются в стройную диалектическую систему. «Живописать всю действительность — это не значит создавать какую-то энциклопедию, это значит видеть ясно». Такую ясность дает понимание «классового разреза» современного общества.

«Правда частностей» — ложь»; такой ложью является, например, «изображение ужасов войны без ее общего освещения». «Существует тысяча различных проявлений действительности, но под ними проходят крупные простые линии».

Описывая идейный путь Барбюса, Вайян Кутюрье замечает: «Большевистская революция овладела им сразу... Барбюсу предстояло затем освоить лучезарные идеи марксизма-ленинизма... Кругозор его прояснялся, становился все более широким, его творческие силы росли».

В своей замечательной книге о Сталине Барбюс стремится к полному, всестороннему изображению исторического прошлого, современности и в этой связи раскрывает историческую роль Сталина.

Барбюс пользуется средствами поэзии. Вот почему его удивительно ясные, точные, научные характеристики так запоминаются и входят в сознание миллионов людей. Вспомним замечательную формулу: «Сталин — это Ленин сегодня».

Внимательное чтение этой книги показывает, что художественный замысел Барбюса таков: изобразить Москву, ее центр — Красную площадь — как «центр» нового мира. Над Красной площадью, ночью, в тишине возникает образ человека «с головою ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата».

Обращаясь к народам, к миллионам людей, Барбюс говорит им, что их «лучшее будущее» в руках этого великого человека.

Какой глубокий смысл вкладывал Барбюс в это обращение к народам, показывают следующие строки в книге о Сталине:

«Что бы ни произошло в необ'ятном будущем, если наступит война,—одна из великих основ веры советского народа это — Сталин...». Сталин «является тем, кого интересуют все и всё, кто совершил то, что существует, и совершит то, что будет. Он спас. Он спасет».

Тот, кто общался с Барбюсом, знает, как поражала в нем эта сила предвидения, почерпнутая в мудрости и любви.

Имя Барбюса останется навсегда. То, что сделано им, составляет одну из самых блестящих глав в истории борьбы и культуры народов.

Е. КНИПОВИЧ

ПОЭМА О БОЙЦЕ

Война окончилась. Советский человек с ружьем прошел свой трудный и великий путь.

...от западной границы
До своей родной столицы
И от той родной столицы
Вспять до западной границы,
А от западной границы
Вплоть до вражеской столицы...

Нет, война еще не стала историей. Но мы видим ее уже в другой перспективе. В свете всего четырехлетнего опыта советского народа, в свете закономерно пришедшей победы.

О литературе военных лет мы тоже начинаем судить иначе. Все, что создано нашими писателями за годы войны, проходит сейчас новое испытание. Именно сейчас решается вопрос о том, кто из литературных героев военных лет выживет и вместе со всем советским народом зашагает дальше, в мирные времена.

Я думаю, что прибедняться нашей литературе нечего. Военную работу многих писателей стоит помянуть добрым словом. И одним из первых надо тут вспомнить Александра Твардовского.

Поэт-рассказчик, крепко связанный с традициями Некрасова и Шевченко, Твардовский обладает драгоценным даром видеть и изображать. Более того, он умеет радоваться красоте и силе своего героя — человека-труженика, он умеет изумляться величию его повседневных дел.

Истории, которые рассказывал Твардовский до войны, были очень просты. Две трепальщицы льна — старая и молодая — вступили в состязание и крепко подружились во время этого трудового поединка. Дед Данила в один прекрасный день уразумел, что уважительное отношение к жене Марковне ничуть его не унижает, потому что невидный труд Марковны ничем не хуже труда других людей.

Все это мелочи, детали, но детали эти Твардовский умел выбирать так, что в них, как в малой капле воды, отражались сдвиги, происшедшие в народном сознании за годы советской власти.

О героях своих поэт говорит без ложного пафоса (такой пафос для Твардовского хуже чорта), но с огромным внутренним уважением. Иногда серьезно, а нередко и с доброй усмешкой.

Довоенная закалка, довоенная сущность стихов Твардовского очень помогла ему в дни войны.

Поэма «Василий Теркин», все военные стихи Твардовского, в сущности, говорят об одном, — о том, как с первых дней войны миллионы человеческих воль и усилий, звено за звеном, выковывали всенародное дело победы, как дело это складывалось из деталей, иногда малых, иногда неприметных. Но здесь встает один законный вопрос. Верно, война советского народа против фашизма была всенародным делом. Она так или иначе вошла в каждый дом и в каждую судьбу, вывела на поверхность неисчерпаемые силы, таившиеся в народных недрах. Но не менее важна здесь и вторая сторона дела, неразрывно связанная с первой. Стихия всенародного под'ема в дни Отечественной войны была пронизана организующим началом. Миллионы стремлений и усилий были оформлены волей и разумом советской власти, коммунистической партии. Звенья победы — вплоть до мельчайших — ковались по единому и великому плану. Эта сторона по-разному отражена во многих произведениях советской литературы — от повести «Народ бессмертен» В. Гроссмана до «Молодой гвардии» А. Фадеева. Разум истории присутствует и в военных стихах Твардовского, хотя показан он в них и не прямо.

В стихах Твардовского мы видим уже как бы результат, следствие этого воздействия, идею, вошедшую в самую кровь и плоть народной массы.

Василий Теркин за годы войны так «прикипел» к сердцу читателя, что из-за него часто забывают героев других военных стихов Твардовского.

А это несправедливо. В таких стихах, как «Мать», «Рассказ танкиста», «Хозяйка», «В пути», «Армейский сапожник» Твардовский, как и в довоенных своих стихах, сумел найти ту деталь, которая раскрывает советские, социалистические особенности самосознания русского человека. Твардовский и здесь как будто не вмешивается в дело, не комментирует поступки своих героев, хотя бы и правильными словами. Он просто показывает, что все они—от двенадцатилетнего парня, ведущего наш танк в обход огневой точки врага, до деда Данилы, который партизанит в смоленских лесах,—чувствуют себя хозяевами страны, лично ответственными за ее судьбу, за дело победы. Он показывает также, что весь советский народ — старики, женщины, дети — ни в чем немцу уступать не будут. Потому что его, «немого», «пустоглазого», они не только ненавидят, но и презирают, несмотря на всю его силу, брезгуют им, как человек брезгует нечистой тварью.

Твардовский в своих военных стихах сумел показать, каким светом сияет советский человек рядом с фашистским выродком.

Дело антифашистской литературы — не только разоблачать фашизм и его преступления. Ее дело также и создавать образы людей мужественных, достойных, людей смелого разума и сердца, людей, которые всегда будут стоять на родной земле во весь рост, людей, свободных в неволе, несгибаемых в беде. Честь и слава советской литературе, что она — в пример и помощь всем народам мира — создала такие образы в дни войны.

Честь и слава ей, что она сохранила верность той великой традиции русского и мирового искусства, для которой красота была больше, чем эстетической категорией. Наши писатели сумели показать, что прекрасно почерневшее от копоти, опаленное огнем войны лицо, прекрасны трудовые руки, тяжелые и узловатые, прекрасно, физически прекрасно все человечески-высокое и морально чистое.

Этой красотой сияют и герои Твардовского — мальчик и дед Данила, старуха мать и безымянный боец —

Немолодой, усатый,
Лицом похож был он
На мужика-солдата,
Всех войн и всех времен.

Наибольшее число сомнений «анкетного» порядка вызвал самый популярный герой Твардовского — Василий Теркин. Снова и снова возникал вопрос: уж не забрел ли этот бывалый солдат в советскую литературу с первой мировой войны, а то и с самого Чортого моста?

Твардовский сам в чем-то не отделяет Теркина от русского солдата всех войн и всех времен. И в этом он совершенно прав. Потому что победы русского оружия всегда бывали следствием всенародного под'ема. В «минуты» роковые, определявшие судьбы родины на годы и века, тяжесть истории поднимал на свои плечи труженик-солдат, трудовой народ. Он защищал и отстаивал честь и независимость родины и он не однажды выручал Европу в довольно непростых ситуациях. Но из этого отнюдь не следует, что на место Теркина в поэме Твардовского можно поставить солдата любой другой и, в особенности, первой мировой войны.

В русской литературе нет народного, синтетического образа бывалого солдата первой мировой войны. Но в западноевропейской литературе такой образ есть. Это—бравый солдат Швейк, симпатичный гражданин с добрыми и невинными голубыми глазами, великий саботажник, который напакостил австро-венгерской монархии столько, сколько мог. Швейк глуп? Нет, не глуп. «Иронический удачник Иван-дурак» для Швейка—лишь маска. Так он защищает свои интересы в империалистическом государстве. Швейк трус? Нет, не трус. Недаром образ Швейка под другими именами вновь возникает в чешской антифашистской литературе. Здесь уже Швейк «работает от себя». Все его гениальные способности к саботажу направлены против немецких оккупантов, и он не боится итти на смерть, если этого требуют интересы родины.

Что же хотел сказать своей веселой и не очень веселой — как всякая большая сатира — книгой Ярослав Гашек? Да то, что война 1914—1918 гг. была империалистической войной и что особенно чешскому народу, находившемуся под двойным гнетом — национальным и социальным, было ни в чем не по дороге с лоскутной Австро-Венгрией, саттелитом германского империализма.

Пусть положение чехов в Австро-Венгрии случай особый. Но и у русского солдата первой мировой войны ведь было два врага. Немец, от которого надо было оборонять свою землю, свой дом. И буржуазно-помещичья власть, которая предавала и продавала, как могла, этого самого выполнявшего свой воинский долг солдата.

Мог ли народный образ русского солдата первой мировой войны в самых своих основных чертах походить на Теркина? Конечно, не мог бы. Только советское гражданство, чувство своего кровного единства со всей страной и подлинно-народной властью могло дать Теркину ту уверенность в самые трудные времена, то чувство личной ответственности за исход каждой боевой операции, за победу советского народа над фашизмом, которое сквозит во всех его действиях. Теркину — в противоположность Швейку — всегда «по дороге» с советской властью, армией, страной. Потому что он сам — армия, страна и власть, и отечественная война советского народа против фашизма — это его война.

Западноевропейская литература о первой мировой войне исчерпала все свои творческие силы и художественные средства, изображая страдания терзаемой плоти, дрожь обнаженных нервов, нигилистическую иронию, опустошенность «покойника в отпуску», который обживает войну, как камеру смертника, как один из кругов ада. Несмотря на эмпирическую точность этого изображения, оно было полуправдой даже для первой мировой войны. Потому что правда в ту пору заключалась в революционном отрицании империалистической войны, в лозунге превращения ее в войну гражданскую. Здесь не место говорить о том, отразились ли и как отразились некоторые традиции западной военной беллетристики в советской литературе военных лет. Можно сказать одно: Твардовский, к чести его, совершенно от них свободен. Теркина на воплях «потерянного поколения» не проведешь. Это не значит, что в поэме Твардовского война изображена более легкой и менее страшной, чем она была на самом деле. Но Теркин, так же как и весь советский народ, знает, во имя чего он поднял на плечи эту тяжесть и четыре года нес ее от Волги до Берлина. Ведь речь тут идет не о «суб'ективных ощущениях», а о том — жить или не жить всему советскому народу и каждому советскому человеку.

Но для того, чтобы остаться живым, не только физически, но и морально, надо освоить, «обжить» войну, как, ни мало она приспособлена для жизни. Одно из средств такой моральной самообороны и самоутверждения — это юмор Теркина. Средство это не новое. Примерно ту же функцию юмор несет и в кое-каком русском бытовом фольклоре, и в жанровой сказке, и, если угодно, в «Петрушке» или «Царе Максимилиане».

Гротескно-бравурный характер такого юмора лишь подчеркивает, что создан он живыми, обыкновенными людьми, поставленными «волею судеб» в положение великанов, принявших на свои плечи ношу, которая в пору лишь великанам.

И обыгрывание такой диспропорции помогает здоровому человеческому сознанию донести логически непосильную ношу, стать больше великаном, чем сам великан. Так что у немудрой шутки Теркина — функция очень серьезная. И недаром шутки и серьез так хорошо переходят друг в друга, так ладно уживаются рядом в лучших главах поэмы.

Самый серьезный упрек, обращенный к книге Твардовского, заключается в том, что Теркин растягивается, как резиновый, что количество глав и эпизодов может быть произвольно увеличено или уменьшено, что в поэме нет ни единого сюжета, ни видимой композиции, что и сам герой остается везде равным самому себе. Упрек этот не был лишен серьезных оснований. И легче всего отмахнуться от него так, как сделал это сам Твардовский в одной из глав поэмы, где он говорит уже «от себя».

Смысл авторских возражений сводится, примерно, к следующему: «Я вам про войну, а вы мне про сюжет и композицию!». А почему же во время войны не поговорить о композиции и сюжете? Замечательный русский поэт Александр Блок говаривал, что работа везде одна — что печку сложить, что стихи написать. И если во время войны мы обязаны пред'являть требования профессионального порядка к любому работнику фронта и тыла, то и поэт здесь не составляет исключения.

«На войне сюжета нет», говорит Твардовский. Это, конечно, чисто полемический выпад. «Сюжетца» на войне действительно нет. А сюжет такой, какой умеет творчески воплотить Твардовский, один из самых сюжетных советских поэтов, конечно, есть и на войне. Более того, сюжет, изгнанный Твардовским в первых главах Теркина в дверь, стал, во второй части поэмы, возвращаться в окно. Но природа, как известно, всегда возвращается в окно в искалеченном виде. И такие главы второй части «Теркина», как «Отдых Теркина» или «Теркин—Теркин», где естественность, народность сменяются условностью, останутся в поэме памятью о незаконном и разрушительном вторжении изгнанного сюжета. Несмотря на превосходную главу «Бой на болоте», несмотря на целый ряд удачных строф, образов, положений, «Теркин» во второй части поэмы действительно, что называется, затоптался на месте, как-то начал отставать от движения войны. Он снова нагнал ее в третьей части поэмы уже в наступлении, у Днепра. Главы «На Днепре», «По дороге на Берлин», «От автора» стоят в ряду лучших глав поэмы. Опять без лишних слов и комментариев Твардовский сумел во весь рост показать советского человека, прошедшего путь от Волги до Берлина, победителя в Отечественной войне, освободителя народов Европы. Трудно не залюбоваться Теркиным таким, каким он дан в главах наступления и победы. И тут мы видим, что Теркин этих глав уже не тот, что был в первой и второй части поэмы. Он вырос вместе со всем советским народом за эти четыре года, возросло его достоинство. И он хоть скромен, но цену себе знает.

И жаль расставаться с ним в последней главе, тем более что автор опять-таки, в целях полемических, готов ограничить права своего героя в советской литературе послевоенных лет.

И теперь, как смолкли пушки,
Предположим наугад,
Пусть нас где-нибудь в пивнушке
Вспомнит после третьей кружки
С рукавом пустым солдат.
Пусть в какой-нибудь каптерке
У кухонного крыльца
Скажут в шутку: «Эй, ты, Теркин»,
Про какого-то бойца.
. . . . . .
Я доволен был бы, право,
И—не гордый человек—
Ни на чью иную славу
Не сменил того вовек.

Александр Блок, услышав раз в уличном театрике романс на слова Аполлона Григорьева, писал о том, что «буйный Григорьев так и живет до сей поры без имени, на улице, в устах бедного работника маленькой сцены». «Не лучше ли, — спрашивал Блок, — для поэта такая память, чем том критических статей и мраморный памятник?» Дело тут было, конечно, не в Григорьеве. Этими словами—как и многими другими — Блок ссорился со своей прилипчивой славой модного поэта, с собой — художником, чье творчество было недоступно народу.

Но какие основания ссориться со своей славой — большой или малой — советскому поэту? Разве есть в советской стране «народ, да не тот»?.

Хуже ли стал Теркин оттого, что он жил в дни войны и в кабинете одного из крупнейших русских ученых, и у аспирантов московского вуза, и у работников Заполярья, и на Уральском заводе?

Воевал весь советский народ и победил весь советский народ.

И о литературе военных лет весь он будет судить на основании общего опыта. С любовью, но без скидки.

Иллюстрации художника Н. Кузьмина к «Труженикам моря» В. Гюго. (Военмориздат).

◇ ◇ ◇

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Н. КАЛИТИН

Стихи Антона Пришельца

Творчество Антона Пришельца не отличается особенной широтой тематики, не поражает обилием интонаций, яркостью и цветистостью образов. И в дни войны и раньше мы слышали поэтические голоса, более громкие, призывы более мужественные и энергичные. И все же есть в этой небольшой книжке *, подводящей итог семи лет поэтического творчества, своя тема, свое ощущение мира, умение рассказать о виденном и пережитом словами, идущими от сердца, образами, привлекающими искренностью и непосредственностью.

Лирика природы — вот основной жанр, основная стихия Пришельца. Лучшие его стихи так или иначе связаны с природой, в них всегда есть любование русским, большею частью сельским пейзажем. Но это не перепевы старых мотивов «крестьянских» поэтов, и это не природа, взятая сама по себе. Через восприятие природы раскрывается мир лирического героя, для которого чувство родины несравненно шире и глубже, чем влюбленность в родную березу и речку. Жизнеутверждение, радостное ощущение устремленности в будущее, которое неот'емлемо от восприятия советского человека, умение через единение с природой глубже ощутить свое единство со страной, с ее людьми, — все это неизменно присутствует в лирике Пришельца. И присутствует органично, непосредственно вытекая из знакомых каждому ощущений, не облекаясь в глубокомысленные афоризмы, расчетливо приберегаемые к концу стихотворения. Даже такую глубоко личную тему, которой продиктован цикл «Стихов о сыне», Пришелец сплошь и рядом разрешает, снова и снова обращаясь к родной природе, к ее образам.

Жадно тянется к солнцу молодой вихрастый вязок, и как ни бьется управдом, утрамбовывая и заливая асфальтом площадку на месте срубленного деревца, упрямые ростки все-таки каждый год пробиваются наружу и тянутся вверх. И управдом побежден; он уже сам расчищает место вокруг молодых побегов, и уже сам доволен: «Ну, тянись! Ты, вижу, крепко любишь жизнь!» Веселый, озорной ветер пробегает по полям, не пропуская ни одной былинки, ни одного стебелька, все овевая своим дыханием, своей лаской.

Девушка выходит на тропинку,
На плечах—зеленая косынка.
Он раскрыл косынку пополам,
Распахнул ее, как два крыла:
На тебе, девченка,
И лети!
Нам с тобой сегодня
По пути.
И, должно быть, правда:
Для обоих—
Все кругом, что хочешь выбирай.
И такое небо голубое...
И такой большой весенний край.

В таких, может быть, несколько примитивных, но трогающих своей теплотой и искренностью образах раскрывается мироощущение поэта, которому дорог и «веселый барахтающийся листок», только что раскрывший почку, и весенний гром, и первая песня жаворонка, торжественно открывающая весну «всему району».

Радостно жить на нашей земле, где так крепка дружба людей, взаимная забота и ласка, что не могут их поколебать ни расстояние, ни разлука («Done, видишь, не в разлуке, не в прощанье, дело в том, что одной большой порукой мы в стране своей живем»), где даже прощание с юностью несет не горечь и боль, а ощущение преемственности, продолжения своей жизни в радостном бытии новых счастливых поколений:

Когда кончается наша юность,
Покажется вдруг,
Что и сад—не тот,
Что май отшумел
И за тихим июнем
Все, что мы любим, навек уйдет.
И только издали мы заметим,
Когда рассеется горький дым,
Что май—все тот же,
И сад в расцвете,
Что нашу юность подхватят дети
И так же, как мы,
Отдадут другим.

И за это тепло, за этот уют, за счастливое «право жить трудом», за светлую юность, перед которой открыто будущее, советский человек готов пойти на любые лишения, на любые жертвы. Эта мысль очень хорошо выражена в стихотворении «Леонтию Котомке», в котором поэт обращается к другу, потерявшему на войне единственного сына:

Нет! Мы выстояли в огне,
Нужно выстоять
И в сиротстве!
Разорвется кровавый чад,
Светлый ветер в лицо засвищет.
И хоть мы не войдем в тот сад,
Что посадим на пепелище,
Все ж увидим его —
Хоть миражем на горизонте.
Ради этого дня
Сейчас
Нужно жить, будем жить, Леонтий!

Для поэтической манеры Пришельца характерно умелое использование выразительных запоминающихся деталей и сравнений, придающих живость его пейзажным зарисовкам, подтверждающим достоверность переживаний. Светлая щепочка, дрожащая в густом чубе старика, строящего новый дом, и «первый собранный венец», который «ложится золотою рамой», далеко видный над полем журавель колодца, напоившего бойца холодной водой, тугая ветка, «стреляющая в плечо», жолудь, «тяжелой каплей» падающий «в густой осыпавшийся пух», таких удачных метафор и сравнений, зрительно осязаемых и в то же время полных внутреннего смысла, много в небольшой книжке Пришельца.

Тем обиднее, что наряду с этим в сборнике встречаются бледные эпитеты, неточные словоупотребления, прозаизмы. Ослабляет общее впечатление от стихов Пришельца некоторая монотонность их — результат однообразия размера, каким они написаны. При более широком диапазоне тем и поэтических впечатлений этот недостаток, быть может, не бросался бы в глаза, — в данном же случае он ощущается довольно явственно.

* Антон Пришелец. «Свидание». Советский писатель». Москва. 1945.

Р. ЯНУШКЕВИЧЕНЕ

Журнал писателей Литвы

Недавно вышел из печати сдвоенный номер литературно-художественного литовского журнала «Пергале» (Победа) № 1—2 за 1945 г. Этот журнал начал издаваться в 1942 году в Балахне, где в то время формировалась литовская дивизия. Вначале он был литературным приложением к армейской газете «Родина зовет», об'единившим наиболее видных писателей Литвы, находившихся в эвакуации. В дальнейшем журнал «Пергале» издавался в Москве, в 1944 году он выходил уже в советской Литве.

«Задача «Пергале» — мобилизовав все наши творческие силы, поднять на должную высоту литовскую литературу, обнищавшую за время немецкой оккупации», — так определяет задачи журнала К. Корсакас в передовой, которой открывается сдвоенный номер «Пергале» за 1945 год. В круг этих задач входит также ознакомление широких кругов читателей с литературами братских республик и с произведениями классиков мировой литературы.

В рецензируемом номере надо отметить удачный подбор произведений. Прежде всего это относится к лирическим сонетам Людаса Гира «Пуня» и «Вильнюс». В стихотворении «Вильнюс» поэт говорит о безнадежной попытке немцев задушить древнюю литовскую столицу. Народ не забудет обид, которые нанесли ему немцы.

Истерзанной и изувеченной была Литва после немецкой оккупации. Поэту она напоминает дерево, расщепленное молнией, иссушенное злою засухой. Не слышно пения птиц в разоренных гнездах, жизнь замерла. Но и такая измученная, полуживая Литва дорога каждому литовцу... Так изображает К. Корсакас свою родину в стихотворении «Литва». Несмотря на кажущийся мрачный колорит стихотворения, в нем сильны оптимистические ноты, автор уверен, что его свободная родина расцветет с небывалым блеском.

Хороши эпические стихи А. Венцлова «Чуть прикрою глаза», «Весенний дождь» и особенно «Терцины о родине». Мастерски написана поэма Т. Тильвитиса «Пахари», созданная им в пору немецкой оккупации. «Ничего нет страшнее желтого песка, в который зарывают лучших людей Литвы», но во время самой ожесточенной борьбы за свет и правду поэт не имеет права молчать. И в резкой сатирической форме Тильвитис в поэме «Пахари» разоблачает лицо врага. Очень поэтично посмертное стихотворение Саломеи Нерис «Предвесенние ветры».

Талантливый беллетрист И. Балтушис в рассказе «Секунды молчания» описывает ощущения бойца после грома артиллерийской канонады; солдату, еще не закаленному в огне сражений, тишина, наступившая после битвы, кажется самым страшным из всего, что ему приходится испытывать. Во втором рассказе «Не к чему выбирать!» писатель говорит о простом русском старике, который добровольцем вступает в ряды Красной Армии, чтобы мстить немцам. На длинных и трудных дорогах войны он осматривает трупы немцев, отыскивая того, кто зверски уничтожил его семью, пока не убеждается, что все фашисты — убийцы. Лаконичные по форме, эти рассказы-очерки производят сильное впечатление. Драматичен рассказ молодой писательницы Г. Корсакене «Последние»— о преследованиях немцами евреев.

В рассказе известной писательницы И. Симонайтите «Адольф Кемфер» автор показывает сопротивление литовцев, укрывающих в лесу скот от немцев.

Трудно судить по отрывку о всей повести К. Борута «Балтарагская мельница», построенной на народном фольклоре. Хорошо переведен Г. Корсакене рассказ В. Кожевникова «Март-апрель».

Журнал уделяет значительное внимание русской классической литературе. Т. Тильвитис с большой точностью перевел отрывки из «Горе от ума» Грибоедова и еще удачней — басни И. Крылова «Рыцарь» и «Тришкин кафтан».

Удачно перевел крыловские басни «Дерево», «Парнас», «Муха и дорожные» Миколайтис Путинас.

Опытный переводчик А. Хургинас перевел: «Родину» К. Симонова, «Потомкам» С. Щипачева и «Человек склонился над водой» А. Суркова.

В отделе критики помещена статья А. Лайсвидаса «И. Крылов»; в статье, кроме приведенной биографии, мы находим материал о творческом пути знаменитого русского баснописца и сообщения о первых переводах басен Крылова на литовский язык.

В краткой статье И. Бутенас «35-летие литературной деятельности Буткуюзе» (Иозас Буткус) рассказывается о жизненном и творческом пути видного литовского поэта. В библиографическом отделе журнала помещена рецензия И. Юргиниса на сборник «Литва в огне», изданный в Америке на литовском языке в 1944 г.

Статья А. Венцлова «Витаутас Монтвила» показывает тяжелый путь литовского пролетарского поэта, погибшего от рук фашистских палачей.

В журнале помещен дневник повседневной работы советских писателей Литвы, хроника искусств Советского Союза за последние месяцы и большая статья А. Грицюса «Возрождение искусства в советской Литве».

PERGALE

SALOMEJA NERIS
LAKSTINGALA NEGALI NEČIULBĖTI
JANONIS
RAŠTAI
Обложки книг, изданных в литовском Госиздате (Вильнюс) — С. Нерис «Соловей не может не петь» и Ю. Янонис «Сочинения».

Евг. РЫСС

Военный дневник писателя

I

Четыре года по всем фронтам ездили советские журналисты. Сколько у каждого было встреч и разговоров, сколько замечено, наблюдено, сколько услышано историй, сколько поверено переживаний! Тысячи мелочей, портретов, пейзажей, диалогов, шуток. Огромная и многообразная воюющая страна вставала перед нами.

Кончилась война. И нам хочется знать не только ход событий, не только причины поражений и побед, но и то, о чем разговаривали люди в свободное время, как они держались, как шутили, как выглядели. Читателю хочется побывать и в штабе, и в командирской землянке, и на военной дороге, увидеть будни и быть войны.

У Константина Симонова есть острое чувство времени — одно из важнейших свойств литератора. Очень своевременно он публикует в журнале «Знамя» отрывки своих сугубо личных фронтовых впечатлений — «Из военных дневников».

II

Разные люди по-разному видят войну. Различна точка зрения летчика авиации дальнего действия от точки зрения, например, снайпера, сутками наблюдающего маленький участок земли. Специфична и точка зрения журналиста. Он видит много. Он не живет подолгу с людьми, но зато каждый день у него новые знакомые. Диапазон его видения бесконечно широк. Именно краткость встреч, именно острота впечатлений создают ощущение великого многообразия, и то же время единства устремлений.

Симонов не отбрасывает ничего из того, что запомнилось, что произвело впечатление. Тут и длинная, очень смешно написанная история о том, как на дальнем полуострове Рыбачьем рвала автору зуб молодая двадцатилетняя врачиха. Тут и разглагольствования пьяного капитана мотобота. Все это, казалось бы, не имеет ни малейшего отношения к материалу, который должен собирать военный корреспондент, но это придает дневникам достоверность, жизненность. Перед нами не «железнодорожное расписание», а путешествие со случайными разговорами, неожиданными встречами, непредвиденными происшествиями. Отбор материала происходит постоянно, ибо если журналист хороший, с сердцем и с умением видеть, значит, интересного он не пропустит, и главная тема, тема великой народной войны, проступит сквозь хаос беспорядочных впечатлений.

Одесса и полуостров Рыбачий. Юг и далекий север. Экспансивная толпа на жарком берегу и одинокие землянки в ледяной безлюдной пустыне. Много разных людей. Таисия Ивановна, попросту говоря девушка Тая из Ленинграда, со всей гневной официальностью девятнадцати лет требует выполнения каких-то параграфов. Полковник Кутепов знает, что немцы форсировали Днепр, что соседние части отступили, но сам отступать из-за того, что другие дерутся хуже, чем он, не хочет. Политрук Балашов после многочасового боя с увлечением до поздней ночи говорит о литературе. Моряки идут защищать Одессу, разведчики отправляются в немецкий тыл, подводники минируют Констанцу. Разные люди — добрые, мужественные, веселые — делают свое дело. Одни хорошо, другие плохо, одни страстно, другие равнодушно, но чаще страстно, хорошо.

III

Та часть дневников, которая уже опубликована, рассказывает о первых пяти месяцах войны, когда наши люди еще не привыкли к войне, еще только пробовали себя, когда вопросы личного поведения, страха, выдержки приходилось каждому решать в условиях, необыкновенно тяжелых.

Симонов тоже привыкает к военному делу. Он вглядывается в тех, кто воюет дольше, кто опытней и испытанней. Симонов рассказывает такой эпизод: фоторепортер Халип решает снять минометчиков, ведущих огонь. Минометчики сидят в окопе, но снимать их нужно сверху, стоя на совершенно открытом месте. Немцы стреляют. И Симонову и Халипу страшно. При этом Халип еще бесконечно возится с аппаратом и никак не может решить, какая нужна выдержка. Симонов советует ему снимать на «тик-так».

«— На «тик-так»? — воззрился на меня Яша, — на «тик-так» я не могу, у меня руки дрожат, — и этим искренним признанием навсегда подкупил меня, ибо, несмотря на то, что ему было очень страшно, он все-таки продолжал снимать дрожащими руками и по своей профессиональной привычке снимал отвратительно долго и тщательно.

Балашов, очевидно, слышавший разговор, отозвал меня в сторону и сказал:

— Молодец!

В свете последнего замечания Яши я воспринял реплику Балашова, как иронию. Оказалось, что это не так.

— Молодец! — убежденно повторил Балашов. — Вот ведь как боится, а все-таки снимает. Так и все мы, — добавил он. — В этом все дело на войне. А больше ничего особенного на войне нет».

Опыт войны многообразен. Это и опыт полководцев, научившихся решать сложнейшие стратегические задачи, это и опыт офицеров, научившихся руководить людьми, это опыт летчика, танкиста, артиллериста, людей, практически изучивших свою специальность; и, наконец, это личный опыт человека, научившегося работать под обстрелом, не бежать, когда страшно, держаться внешне спокойно, словом, научившегося вести себя на войне.

Военные историки закрепят стратегический опыт войны. В военных училищах используют опыт лучших летчиков и артиллеристов. Дневники и записи писателей, военных корреспондентов, их личный опыт помогут постичь науку поведения человека на войне.

IV

Жанр дневника — рассказа, не ограниченного рамками тематического или композиционного задания, определил большую стилевую свободу Симонова. Юмор соседствует с героикой, лирика сменяется шуткой. Все одинаково правомочно. Резкие интонационные контрасты не требуют мотивировки. Люди, настроения, эпизоды свободно сменяются. Так рассказывают друзьям, перескакивая от темы к теме, от настроения к настроению, избегая внешнего пафоса, говоря о самом высоком простыми, обыденными словами. Неверно, что пафос отсутствует. Он есть, он только переплетается с иронией, с бытом и этим не снижен, а поднят.

Вот как говорится о строительстве баррикад в Одессе:

«Яша фотографировал баррикады. Это было истинное несчастье, ибо работавшие на них одесситы, в особенности девушки, при виде фоторепортера становились в театральные позы и пристально, не сводя глаз, смотрели на него. Под конец Яша уже останавливал машину далеко от баррикады и потом, как тигр для прыжка, подкрадывался откуда-то с неожиданной стороны. Но все это нисколько не помогало: обязательно какая-нибудь из зорких девиц замечала его крадущуюся тень, и снова позы, снова устремленные на него взоры и т. д. и т. п.».

На скульптурную группу непохоже, но зато строители достоверны, локальны и от этого кичуть не менее героичны.

Симонов—профессиональный журналист, занимающий на войне свое определенное место, человек занятый и полезный. Поэтому он уверенно входит в военную среду и легко усваивает принятый в ней тон. Так обычно разговаривают на войне, шутя друг с другом, с охотой обсуждая дела служебные и бытовые, очень мало и сдержанно говоря о героическом. Тон дневника убедителен потому, что он не выдуман литератором, а услышан, усвоен и естественно перешел в литературу. И сдержанность, некоторая снижженность тона только подчеркивают пафос происходящего.

«Моряки в ожидании толпились на улице у дома, где их переобмундировывали. Выходили из домов какие-то женщины, было здесь много слез и поцелуев, и один морячок долго отпрашивался у командира сбегать домой, — он жил на соседней улице. Но знаменитая одесская почта уже действовала, и когда он, наконец, отпросился, оказалось, что по этой почте матери уже все передано, — она сама прибежала сюда и бросилась целовать его. Вообще все было очень трогательно еще и потому, что моряки, как это всегда бывает с мужчинами, когда они собираются толпой и когда у них есть свободная минута, с упоением возились с детьми, поднимали их на руки и цацкались с ними невероятно. Играла гармошка, и кто-то плясал «яблочко». Вокруг подпевали. Все это было освящено близостью предстоящего боя: сегодня же они будут на передовой. Моряки приехали спасать Одессу, они хотели быть героями, и женщины верили, что они будут героями, и оттого на улице было такое нервное, скоротечное и немножко щемящее душу веселье».

Здесь все увидено верно. Здесь понято настроение улицы, оно стало авторским настроением, оно не только об'яснено, но и звучит в интонации и поэтому требует очень немногих слов.

V

Чужеродным телом в дневнике кажется глава «Севастополь — Констанца». В ней рассказывается о том, как подводная лодка ходила минировать Констанцу. Во время этого рейса не произошло почти ничего такого, что бы лично увидел автор. Пришел командир, с'ел компот и сказал «заминировали». Потом Симонов смотрел, как командир наблюдал в перископ. Глава кажется бездейственной и затянутой. Вероятно, она должна была быть много короче.

Когда мы говорили о неотобранности материала, мы, разумеется, не имели в виду, что все написанное в дневнике должно обязательно попадать в печать. И важное и неважное, и главное и второстепенное имеет право существовать в дневнике, но отсутствие качественного отбора жанровым признаком являться, конечно, не может. Рядом с людьми, которые хотя и описаны мельком, все же ясно видны и запоминаются, есть у Симонова люди, описанные мимо характерными подробностями. Так, неясен и непримечателен казах-сапер, который ходит зимой без верхней одежды и вместо «фуфайка» говорит «пупайка». Это мимо выразительные подробности, и образ из них не вырастает. В этом смысле хотелось бы более строгого отбора материала.

Дневники — это личные впечатления. Их суб'ективность всегда оправдана. Чем индивидуальнее писательское восприятие, тем больше оснований имеет выбор формы дневника. Также бесспорно и то, что в дневнике автор неизбежно является одним из основных персонажей. Однако все же следует помнить, что дневник — это впечатления автора, но не впечатления об авторе. Главным все-таки остаются события, люди, факты. В этом жанре особенно много зависит от такта и чувства меры. Неверная интонация, несколько лишних слов легко могут придать оттенок самолюбования. Нам кажется, что в этом смысле Симонов порой нарушает пропорцию. Иногда хочется больше узнать о том, что видел Симонов и меньше услышать о Симонове самом.

И еще одно замечание: немного обидно, что автор так смешно и весело шутит над своим спутниками — фоторепортерами и так осторожно шутит над собой. События и люди увидены верным глазом, о них рассказано верным голосом, и можно не бояться, что шутка снизит образы, в том числе и образ рассказчика. Несмотря на все это, за дневниками Симонова остается безусловная заслуга: правильно и своевременно утверждается в нашей литературе и журналистике жанр суб'ективного рассказа о войне, в котором факты и наблюдения, иногда несущественные в прямом логическом смысле, дают возможность читателю увидеть почти всю многообразие прошедших дней Великой Отечественной войны.

Заметки на полях журнала

Украинские ребята долго ждали выхода первой книжки своего журнала.

И вот она вышла.

Отрадно отметить, что среди авторов журнала мы встречаем имена Ю. Яновского, А. Копыленко, Н. Забилы, О. Иваненко, М. Пригары, И. Неходы. Чувствуется, что редколлегия хотела сделать журнал для детей занимательным, поучительным.

Однако выполнение замысла оставляет желать лучшего. Прежде всего огорчителен несвоевременный выход журнала в свет. Апрельскую книжку — первый номер, с которого начал журнал свою жизнь, ребята получили в августе. Это вызывает недоумение и взрослых и детей.

Мы читаем:

Недавно ще гула метелиця,
Ще в вибалках не станув сніг,
А вже барвінку листя стеляться
Зеленим килимом до віг...
І з перемогою і славою
Весна з'являється на світ

(Н. ЗАБИЛА.)

Стихи сами по себе хороши, но ребята удивленно спрашивают: разве в этом году будет еще одна весна?

У Ивана Неходы в стихотворении «Ми—Леніна щасливі внуки» дети выходят на демонстрацию в день 1 мая... Валентин Бычко пишет о бойцах, спешащих в Берлин, где «на улицах идут бои, бои, бои»...

Какой смысл имеет «Календарь природы», в котором детям сообщается, что «еще лежит на полях снег, еще вздымаются порой метели, но солнышко все теплее пригревает с неба. И, смотри, побежали по дорогам ручьи, а в поле появились черные латки...»

Приучить детей вести фенологические наблюдения, присматриваться к явлениям природы нужно и должно. Журнал взял на себя благородную задачу помочь юным читателям глубже познать и изучить природу. Но на деле он дезориентирует ребят. Вторая книжка журнала выйдет в сентябре. Значит, осенью ребята будут читать о цветущих майских садах. Насколько это педагогично? Ведь детям выписывают журнал, а не альманах или книжку для чтения.

Журнал недостаточно разнообразен. Маленькому читателю надо дать не только назидательное чтение (рассказ «Танюша» Ю. Яновского), но и развлекательное, познавательное. В рассказе А. Копыленко «Розбишака Чив» чувствуется зоркий глаз писателя, но А. Копыленко мог бы к своим непосредственным впечатлениям добавить еще многое, известное ему как биологу: например, почему воробьи не улетают на зиму, а ласточки улетают, рассказать о родительских чувствах птиц и т. п.

Скучна и лишена настоящей выдумки сказка М. Романивской «Веселый чайник». Хороши стихи М. Пригары «Письмо матери», интересен также цикл стихотворений И. Неходы «Наша Армия Красная», «Песня про Золотые ворота» О. Иваненко.

Страничку «Сделай сам», пользующуюся у ребят обычно особой любовью, следовало бы сделать более занимательной. То же относится и к разделу «Развлечение».

С. НИКОЛАЕВ.

КИЕВ. (От наш. корр.).

«Барвінок» № 1. квітень 1945 р. Журнал ЦК ЛКСМУ для дітей.

БУДУЩИЕ КНИГИ

И. ФЕФЕР

Недавно я закончил пьесу в стихах «Солнце не заходит», принятую к постановке ГОСЕТ'ом. Это пьеса о страдании, рождающем мужество. Жизнь еврейского народа привлекала внимание выдающихся писателей многих народов: от Байрона до Горького и от Лермонтова до Рыльского. «Еврейские мелодии», широко вариируемые писателями различных народов, всегда ассоциировались с мотивами горя и безысходности. А между тем рядом с духом страдания в народе жил дух сопротивления, дух борьбы за свою жизнь и свободу, дух справедливой войны против своих врагов.

Дух борьбы за свою жизнь и свободу, живший в народе в течение тысячелетий, особенно ярко проявил себя в дни Великой Отечественной войны. И не только в рядах героической Красной Армии, но и в глубоком тылу, и в партизанских лесах. Даже затиснутые в стены гетто, сыны и дочери еврейского народа героически боролись с врагом.

Здесь сыграла решающую роль сталинская дружба народов, возглавленных великим русским собратом, здесь сыграл свою огромную роль великий Советский Союз, ставший новой родиной древнего народа.

В моей пьесе я пытался запечатлеть образ юноши, борющегося во враждебном окружении за свой народ, за свою советскую отчизну. Действие происходит между лесом и кладбищем, в период немецкой оккупации.

Мне часто говорят: читатель устал от войны, ему необходимо отдохнуть. Не знаю, возможно, что читатель и имеет право на отдых от военной темы, но писатель этого права, по-моему, не заслужил. Я не являюсь сторонником «теории дистанции». Мы обязаны по мере своих сил показать великие события последнего четырехлетия.

Одновременно с пьесой я закончил поэму «Тени варшавского гетто». Это поэма о борцах, идущих на верную смерть за жизнь и честь народа. На-днях издательство «Дер Эмес» выпускает мою новую книгу стихов и поэм. Гослитиздат готовит книгу переводов «Избранное».

Я работаю сейчас над романом в стихах «Наследники». Это книга о сестре борьбы—о мудрости, побеждающей страдания и смерть.

И. Фефер

РЕПЕРТУАРНЫЕ ПЛАНЫ МОСКОВСКИХ ТЕАТРОВ

Малый театр готовит к 28-й годовщине Октябрьской социалистической революции премьеру пьесы Н. Погодина «Сотворение мира». Ставит спектакль К. Зубов, художник — П. Соколов-Скаля. На сцене филиала Малого театра режиссер В. Цыганков ставит комедию Н. Рыбака и И. Савченко «Самолет опаздывает на сутки» — о дружбе советских людей, о близости, возникающей в моменты опасности.

Идут репетиции пьесы Н. Вирта «Солдаты Сталинграда»; новая редакция пьесы написана автором совместно с театром.

Спектакль будет показан на сцене филиала в феврале 1946 года, в третью годовщину победоносного окончания Сталинградской битвы. Постановщик спектакля Л. Прозоровский, художник В. Рындин.

В предстоящем сезоне в Малом театре будут поставлены две пьесы А. Островского. На основной сцене в декабре состоится премьера — «Доходное место», постановщик М. Нароков, художник К. Юон, а на сцене филиала в марте 1946 года будет осуществлена силами молодежи театра постановка «Бедность не порок».

———

Театр им. Моссовета в предстоящем сезоне предполагает показать несколько пьес советских драматургов. Новый вариант пьесы «Туман над заливом» подготавливает для театра И. Шток. Принята к постановке новая комедия Н. Погодина «Сентиментальное знакомство».

Художественный руководитель театра Ю. Завадский в беседе с нашим сотрудником сообщил:

— В пьесе Погодина театр привлекает прежде всего ее тема. «Сентиментальное знакомство», рассказывая о любви, об отношениях воинов-фронтовиков с их подругами, оставшимися в тылу, доказывает зрителю, насколько серьезны вопросы личных отношений людей и как недопустимо легкомысленное решение этих вопросов.

— Одновременно, — сказал Ю. Завадский, — мы будем ставить новую пьесу М. Светлова «Бранденбургские ворота». Эту пьесу коллектив нашего театра принял очень горячо. Мне кажется, что «Бранденбургские ворота» можно назвать подлинно поэтической правдой о войне. Думается, что «Бранденбургские ворота» — именно та пьеса, которую наш театр так долго ждал.

Для театра им. Моссовета пишут новые пьесы А. Крон и А. Первенцев. Заканчивают работу над пьесой о возвращении с фронта, о семье и любви Ю. Чепурин и Г. Бояджиев.

Коллективу театра предстоит интересная работа над постановкой «Манон Леско». Инсценировка романа Прево сделана Ю. Никулиным. Ставить спектакль будет Ю. Завадский, оформление художника А. Тышлера, композитор А. Хачатурян. Главные роли исполнят В. Марецкая, Н. Мордвинов, Р. Плятт и др.

В предстоящем сезоне театр покажет пьесу А. Островского «Красавец-мужчина» в постановке Ю. Шмыткина, оформление И. Федорова.

◇ ◇ ◇

В поселке Переделкино в четырех светлых дачах, среди зелени и цветов, разместился детский сад Литфонда. Здесь с 15 июня отдыхают 160 детей писателей в возрасте от четырех до семи лет. Дети обеспечены санаторным питанием. Воздушные ванны под наблюдением врачей, прогулки в лес за грибами и ягодами, собирание цветов, игры, физкультурные и музыкальные занятия — таков веселый распорядок дня лагеря. Дети поправились, загорели.

26 августа в торжественной обстановке на вечере-костре детский сад простился с тридцатью своими семилетними питомцами, поступающими в этом году в школу. Будущих школьников провожали их младшие товарищи, воспитатели и гости.

15 сентября детский сад возвращается в Москву.

На снимке: старшая группа детского сада на утренней физкультурной зарядке.

К гастролям театра им. Шевченко

М. Крушельницкий в роли дьяка Гаврилы в пьесе «Богдан Хмельницкий».

Фото Н. Савченко.

Сцена из пьесы Кропивницкого «Дай сердцу волю, заведет в неволю». В роли Одарки О. Валуева, в роли Семена — В. Стеценко.

Фото Е. Тиханова (Фотохроника ТАСС).

Всесоюзный комитет по делам искусств, совместно с Всероссийским театральным обществом, созвал 28 августа совещание, посвященное обсуждению спектаклей Харьковского украинского государственного драматического театра им. Шевченко, закончившего гастроли в Москве. Все выступавшие отметили высокое художественное достоинство спектаклей Театра им. Шевченко.

Принимавший участие в обсуждении И. Козловский приветствовал театр, исполнив несколько украинских песен. От имени театра выступил народный артист СССР М. Крушельницкий.

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

В Союзе советских писателей установлены постоянные дежурства членов президиума для бесед и консультаций по творческим вопросам.

Дежурства будут происходить по четным дням, начиная с 1 сентября.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

В Государственном драматическом театре Эстонской ССР в Таллине с большим успехом прошла премьера пьесы И. Штока «Туман над заливом».

Малый театр отмечает 25-летие сценической деятельности заслуженной артистки РСФСР С. Фадеевой. На юбилейном вечере 4 сентября С. Фадеева исполнит роль Лизы в спектакле «Горе от ума».

Во Всероссийском театральном обществе вчера состоялся вечер-встреча работников искусств с А. Степановым, автором исторического повествования «Порт-Артур».

В парткабинете завода «Красногвардеец» (Ленинград) каждую среду проводятся литературные вечера. Писатели знакомят рабочих завода с новыми произведениями. После чтения обычно происходит оживленный обмен мнениями.

На ближайшие заводские «среды» приглашены писатели Н. Григорьев, Ф. Быков, С. Маршак, А. Флит.

В Минске вышел из печати первый номер ежемесячного детского журнала «Березка» на белорусском языке, издаваемого ЦК ЛКСМ Белоруссии.

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

Е. ДЕЛЮСИН

Урок ученикам

В седьмом классе шел урок литературы. Учитель предложил ребятам написать сочинение на вольную тему, в котором встречались бы сравнительные предложения.

Вечером, когда учитель проверял работы своих учеников, его внимание привлекло сочинение Васи Ивановского. Оно начиналось так:

«Хорошо вокруг. Воздух свежий, звезды, словно вымытые, играют, как мальчишки весной, в лужах. На лавочке в тени кудрявых лип сидели двое. Она была в хрупко-розовом платье. Широкие, покатые плечи ее были, словно садовая клумба. Лицо своею неподвижностью походило на государственную печать. Вдруг лицо ее изменилось, пошло пятнами, нос заострился и что-то в ней было от подстерегающей борзой. Казалось, что ее пышные и алые, как клевер, губы говорили, что раньше с ней обращались, как с птицей, из которой дергают перья. Дыхание ее пахло луком, солдатской кашей и сухарями. Кудри и движения ее были, как у царевны...

Он сидел рядом с ней: громадный, топорный, он был похож на площадь, застроенную разными домами; больше того, он более чем когда-либо, походил на дыню «зимник», овальную, с ровной и гладкой корой, покрытой тонкой, редкой сетью морщин и рубцами, которые изображали у него рот, нос, глаза. Был он, как и дыня, сплошного желтовато-зеленого цвета, без запаха и, как дыня, очень прочен для содержания впрок. Глаза его были своевольно дерзкие, большой лоб был выпуклым, как репа. Она что-то спросила с любезностью такой вышины, какой она никогда не достигала прежде. И он ответил ей дородно, крепким и крупным, как утес, басом: «Месяц не успеет переменить шкуру, дорогая, и я буду у ваших ног». И они внимательно посмотрели друг другу в глаза. Она показалась ему мягкой, податливой, похожей на пирог с рыбой. Глаза ее были цвета и вида спелого винограда, когда его кладут против солнца перед тем, как жать и готовить вино.

Рассвело. Среди чистой листвы воробьи казались забавными, светло-зелеными, а глаза их фиолетовыми. Он встал со скамейки, она смотрела вслед его удалявшейся фигуре, огромной, железной, похожей на воплощенный гром. Он обернулся, помахал ей рукой, и его лицо с носом, похожим на дюжий сундук, расплылось в улыбке, и его прямая, как сноп, фигура скрылась за поворотом...».

Учитель поставил под сочинением двойку и задумался. Как мог мальчик, учившийся у него семь лет и прочитавший немало книг Пушкина, Толстого, Горького, так писать? Неужели он, старый учитель, не мог развить в своем ученике даже приемы простейших сравнений?

Как только учитель вошел в класс, он тотчас же вызвал Васю Ивановского к доске и попросил его прочесть свое сочинение вслух, всем ученикам.

Сначала на лицах учеников учитель увидел недоумение, потом взрыв хохота прервал на мгновение чтение, и Вася кончил читать свое сочинение под веселый смех учеников.

— Я тебе поставил двойку, Ивановский!

— Иван Павлович, разделите эту двойку пополам: одну единицу поставьте мне, другую Вс. Иванову за рассказ «Под Берлином, у Галльских ворот», потому что я свое сочинение составил из выдержек из этого рассказа. Я читал журнал «Новый мир» № 2—3, когда вы дали нам сочинение на вольную тему. Вот я и решил воспользоваться помощью настоящего писателя, думая, что, списывая сравнения, я не допущу стилистических ошибок и тем самым заслужу высокую оценку, тем более, что такой солидный журнал, как «Новый мир» (в составе редколлегии которого значится много больших писателей), поместил этот рассказ — значит он хороший и литературно правильно написанный.

Учитель посмотрел на Васю, потом на его сочинение, затем на журнал «Новый мир», зачеркнул двойку под сочинением Васи и поставил единицу. Вторую единицу он поставил не в журнале «Новый мир», а в классном журнале, потом, обращаясь к Васе, учитель сказал:

— Вс. Иванов — писатель, он может писать что угодно, но это не значит, что ты должен списывать. Вот за это-то я тебе и поставил единицу!

Вс. Иванову учитель не поставил единицу, так как верил в писательское мастерство и вообще в литературу.

Принимается подписка...

«Принимается подписка на полное собрание сочинений...».

Едва такое об'явление появлялось в ленинградских газетах, как сотни ленинградцев спешили в когизовский магазин подписных изданий на Невском проспекте. Здесь оформлялась значительная часть подписки на издания, выпускаемые советскими издательствами, здесь большинство подписчиков получало выходящие очередные томы, и до войны трудно было себе представить собирающего книги ленинградца, который, проходя по Невскому, не заглянул бы в этот магазин.

Во время блокады Ленинграда, осенью 1941 года, в магазин подписных изданий попала немецкая бомба. Помещение было разрушено, но, благодаря самоотверженности работников, удалось спасти картотеку учета подписки, сотни тысяч карточек — «лицевых счетов» подписчиков. Эти карточки бережно хранились на протяжении всех лет войны.

Несколько месяцев тому назад над одним из книжных магазинов на Невском проспекте появилась знакомая вывеска: «Подписные издания». Магазин об'явил, что проводит перерегистрацию подписчиков, и сразу же его небольшое помещение заполнили ученые и артисты, инженеры и писатели, генералы и офицеры, сотни и сотни ленинградцев.

Первыми перерегистрировали свои подписки на разнообразные издания Герой Социалистического Труда академик Джанелидзе, академик Осипов, заслуженный деятель искусств Ростовцев... В книге отзывов магазина появились восторженные записи:

«Хочется выразить глубокую благодарность работникам магазина подписных изданий, — пишет заслуженный артист РСФСР Бениаминов, — сумевшим восстановить довоенный порядок внимательного, культурного обслуживания подписчиков. Большое спасибо!»

«Был приятно обрадован, — указывает инженер Пох, — что магазин, где я получал книги по подписке до войны, вновь открылся, и тотчас же я получил 4-й том собрания сочинений Горького, на которое я подписался еще в довоенные годы. Приношу глубокую благодарность работникам, сохранившим в блокаду карточки учета подписчиков».

Однако радость ленинградских подписчиков была вскоре омрачена: выяснилось, что ряд томов некоторых собраний сочинений ленинградцам получить не придется!

Если 4-й том собрания сочинений Горького, поступивший на книжные склады ленинградского отделения Когиза, хранился здесь вплоть до открытия магазина подписных изданий, то московские когизовские работники не проявили такого-же внимания к подписчикам-ленинградцам. Печатавшиеся в московских типографиях в годы войны очередные томы подписных изданий не бронировались для Ленинграда; эти, принадлежащие ленинградцам, книги, немедленно шли в розничную продажу и распродавались случайным покупателям. Так было поступлено с 9-м и 10-м томами собрания сочинений Маяковского, 3-м и 4-м томами собрания сочинений Диккенса и т. д.

Нетерпеливые дельцы из Когиза не только поспешили разбазарить предназначенные для Ленинграда тиражи подписных изданий, но сейчас, когда ленинградские подписчики пред'являют к ним законные претензии, невозмутимо предложили магазину подписных изданий возобновлять подписку ленинградцев... лишь с очередных томов (?!). Думается, что сами когизовские деятели едва ли согласились бы приобрести собрания сочинений, в которых не доставало бы тех или иных томов. Вместо того, чтобы бюрократически отмахнуться от своих обязательств перед ленинградскими подписчиками, Когизу следует подумать о том, как исправить допущенную им ошибку: то ли договориться с издательствами и допечатать распроданные книги, то ли найти другие возможности, которые восполнили бы оказавшиеся разрозненными собрания сочинений.

С каждым днем увеличивается число ленинградцев, восстановивших в магазине подписных изданий свои старые подписки. Много писем получает магазин и от подписчиков, находящихся сейчас вне Ленинграда, главным образом в рядах Красной Армии и Военно-Морского Флота. Помимо 4-го тома сочинений Горького, магазин выдал уже подписчикам 6-й том сочинений Салтыкова-Щедрина, 50-й том БСЭ, 2-й том Истории гражданской войны и другие выходящие сейчас книги. Вслед за подпиской на полное собрание сочинений Чехова, проведена подписка на собрание сочинений Крылова. И опять собирающий книги ленинградец, проходя по Невскому, непременно заглядывает в знакомый магазин подписных изданий.

Б. РЕСТ.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.).

Редакционная коллегия: Б. ГОРБАТОВ, Е. КОВАЛЬЧИК, В. КОЖЕВНИКОВ, С. МАРШАК, Д. ПОЛИКАРПОВ, Л. СОБОЛЕВ, А. СУРКОВ (отв. редактор).

Евг. МОЗОЛЬКОВ

Белорусская литература в русских переводах

В ноябре 1910 года Алексей Максимович Горький писал украинскому писателю М. М. Коцюбинскому о том, как взволновало его стихотворение Купалы «А кто там идет...» Горький перевел его, и это был первый стихотворный перевод с белорусского языка на русский.

В переводе стихотворения Янки Купалы Горький допустил, с точки зрения нынешних строгих требований, небольшую погрешность. Первые две строки стихотворения он не зарифмовал, в то время как в оригинале они рифмуются. Но Горький хорошо передал главное — простоту и силу этого стихотворения, его народность.

Вслед за Горьким стихи Янки Купалы начали переводить на русский язык В. Брюсов, А. Коринфский, Иван Белоусов, Е. Нечаев и другие. В 1919 году в издании Наркомпроса РСФСР вышла первая книга стихотворных переводов с белорусского,— книга избранных произведений Янки Купалы [1]. Нужно сказать, что здесь гораздо больше неудачных переводов, чем удачных. Для примера достаточно привести известное стихотворение Янки Купалы «Я не поэт» (перевод Е. Нечаева). Вот как звучит это стихотворение по-белорусски:

Я не поэта, о, крый мяне божа!
Ня рвуся я к славе гаткай німала.
Хоць песеньку-думку і выслую можа,
Зявуся я толькі—Янка Купала.
Славу поэтаў разносяць па сьвеце.
Вянкі ускладаюць й звоняць пахвалай,
Я ж ціха играю, хто ж ціхіх прымеце?
Ат! ведама з вескі—Янка Купала!

И вот как выглядят эти стихи в переводе:

Я—не поэт,—помилуй боже!
Чужда мне шумная хвала.
Пою я тихо песню-думку,
Мне имя: Янка Купала!
Поэтов лаврами венчают,
Сопровождает похвала,—
Подобной почести не ищет
Безвестный Янка Купала!
Во всех странах свои поэты,
И всем им родина мила,—
И Беларусь певца печали
Имеет — Янку Купала!»

Этот перевод редактор снабдил сноской «Псевдоним поэта следует читать с ударением на предпоследнем слоге — Купа́ла. Переводчиком допущена вольность для рифмы, и ударение поставлено на последнем слоге».

Янка Купала, белорусский поэт. Избранные стихотворения в переводе русских поэтов. Москва, 1919.

Стихотворение заканчивается четверостишьем:

Эт. з часам людзі упадаюць на сіле,
Сьмерць скосе, гляді і больш крышам стала;
Нехта спытае: хто у гэтай магіле?
А напіс пакажа: Янка Купала.

И вот перевод:

Эх!—с каждым часом люди гаснут,
То тех, то этих смерть взяла!..
Умру... На крестике черкните:
«Лежит здесь Янка Купала!»

Переводчик нарушил стихотворный размер и принцип расшифровки оригинала, не говоря уже о многих других грубейших искажениях формы и духа подлинника. Перевод по сравнению с оригиналом выглядит крайне убого, воистину, как в кривом зеркале. Совсем иначе перевел это стихотворение советский поэт Всеволод Рождественский:

Я не поэт—нет, избавь меня боже.
Славы такой не ищу я нимало,
Но песню сложить я сумею, быть может,
И просто зовусь—Янка Купала.
Славе, поэтов лаская на свете,
Много венков им и гимнов послала...
Тихо пою я,—кто тихих приметит?—
Знают в деревне лишь Янка Купала.
Нету страны, где бы, песней согрета,
Доля народа поэтов не знала.
У белоруссов же нет и поэта,
Пусть уж им будет хоть Янка Купала.
Долго не цвесть этой песенной силе,
Смерть стережет нас, и дней у нас мало.
Спросит прохожий: «Кто в этой могиле?»
И прочитает: «Янка Купала».

За годы советской власти вышли десятки книг белорусских поэтов и прозаиков в русских переводах. Только в период Великой Отечественной войны издано около двадцати книг, в том числе четыре сборника Янки Купалы, три — Якуба Коласа, два — М. Лынькова, два — П. Бровки и т. д. Сотни стихотворений и рассказов были напечатаны в газетах, журналах, сборниках и передавались по радио. Не говоря уже о произведениях Янки Купалы и Якуба Коласа, многие русские читатели хорошо знают и любят стихи и поэмы А. Кулешова, П. Бровки, М. Танка, П. Глебки, П. Панченко, А. Белевича, рассказы М. Лынькова, К. Чорного, пьесы — К. Крапивы, В. Вольского. Белорусская литература в годы Великой Отечественной войны вдохновляла советских людей на самоотверженную борьбу с немецкими захватчиками. Большой созидательной силой будет она и в дни великого мирного труда. Огромное значение приобретает качество работы переводчиков.

Мы не случайно вспомнили о первых переводах с белорусского. Достаточно сравнить одно из последних русских изданий Янки Купалы или сборник избранных стихотворений Максима Богдановича с переводами стихов Янки Купалы, изданными в 1919 году, чтобы видеть, как неизмеримо вырос общий уровень наших переводов. Советские поэты-переводчики сейчас, как правило, строго сохраняют размер, принцип рифмовки подлинника, воспроизводят с возможной полнотой и точностью и содержание и форму переводимого произведения. Лучшие переводы с белорусского за последние десять-пятнадцать лет принадлежат Э. Багрицкому, М. Исаковскому, Б. Ирнину, Н. Сидоренко, В. Рождественскому, Д. Осину, П. Семынину, С. Городецкому, Б. Турганову, Н. Рыленкову, М. Голодному.

Особенно хочется отметить работу М. Исаковского. Мы часто вспоминаем о переводчиках «Манаса», «Давида Сасунского». В частности, у нас вызывает уважение и количество переведенных ими стихов. Но вряд ли многие знают, что если собрать переведенные Исаковским стихи белорусских поэтов, то получится том более солидный, чем «Давид Сасунский». Между тем о переводах М. Исаковского с белорусского до сих пор не написано ни одной статьи, в то время как они заслуживают серьезного исследования и оценки.

Недавно грамотами Верховного Совета БССР была награждена группа русских поэтов — «лучших переводчиков произведений белорусских поэтов и прозаиков»: М. Исаковский, Б. Ирнин, С. Городецкий, Д. Осин, П. Семынин, М. Голодный, Б. Турганов, Н. Рыленков и другие. Предстоит большая работа по созданию антологии белорусской поэзии. Антология не только познакомит русского читателя с лучшими образцами белорусской поэзии (включая устную народную поэзию), но явится ценным учебным пособием. На русском языке до сих пор нет очерков истории белорусской литературы. Издание антологии в значительной степени восполнит этот пробел. Работа над антологией была начата еще до войны, но затем временно прервана. Сейчас дело чести русских поэтов-переводчиков — дать полный свод белорусской поэзии в русских переводах.

Огромное значение приобретает дальнейшая борьба за качество переводов. Близость языка, в частности, близость словаря, синтаксиса, а также поэтики безусловно облегчает труд переводчика. Ритмы и метры, существующие в белорусской поэзии, подобны русским и без натяжек могут быть переданы. И тем не менее, переводчики с белорусского и украинского утверждают, что переводить с близкого языка труднее, чем с чужих языков. Речь идет о специфических трудностях, с которыми приходится иметь дело поэту-переводчику. Одна из них, на мой взгляд, заключается в возникающем порой опасном соблазне ограничиться, по существу, дословным переводом. Здесь привлекает прежде всего кажущаяся адэкватность перевода, ну и, конечно, его легкость. Но как правило, такой перевод, при всей его внешней «законченности», оказывается никуда не годным подстрочником. А ведь еще Пушкин писал, что «подстрочный перевод никогда не может быть верен». Однако как часто в переводах приходится встречать отдельные строчки и строфы такого непреодоленного подстрочника.

Есть немало слов, одинаково звучащих на русском и белорусском языках, но имеющих совершенно различное значение. Вот несколько примеров: белорусское слово «плот» — означает забор, «рок» — год, «качка» — утка, «термин» — срок, «спорный» — выгодный, «година» — час, «газовый» — керосиновый, «слон» — скамья и т. д. Такие слова представляют как бы ловушку для переводчика, плохо знающего белорусский язык. В такую ловушку попался Е. Нечаев, спутавший белорусское слово стрельба (ружье) с русским его омонимом.

Подобных ошибок легко избежать, если переводчик или редактор хорошо знают язык. Значительно опаснее другая «ловушка» — слова, общие для русского и белорусского языков и одинаковые по смыслу, но по-разному звучащие в русском и белорусском языках. Сюда относятся такие слова, как оратай—пахарь, маці—мать и другие. Слово «оратай» есть и в русском языке, и означает оно также «пахарь». Но в белорусском языке это вполне современное, живое слово, а в русском — архаизм. То же самое относится к слову «маці». Между тем нередко встречаются переводы с белорусского, в которых сохранены подобные слова. И вот современный белорусский поэт, пользующийся вполне современным языком, начинает походить на сказителя былин.

Многие специфические трудности, с которыми приходится сталкиваться переводчику с белорусского, несомненно, существуют и при переводе с других славянских языков. Тем большее значение имеет огромный опыт, накопленный коллективом русских поэтов-переводчиков.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИСКУССТВО»
ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ
на 1945 год
на ежемесячный журнал „ТЕАТР“ Год издания 6-й.

„ТЕАТР“ освещает театральную жизнь Советского Союза, разрабатывает проблемы социалистической эстетики, вопросы истории и теории театра и драматургии.
„ТЕАТР“ печатает статьи о творчестве драматургов, актеров, режиссеров, композиторов и театральных художников.
„ТЕАТР“ печатает на своих страницах мемуары, документы, статьи, посвященные прошлому театра, его выдающимся мастерам.
„ТЕАТР“ помещает рецензии и обзоры о новых книгах по вопросам театра и драматургии, а также освещает театральную жизнь за рубежом.
„ТЕАТР“ иллюстрируется портретами, эскизами декораций, снимками постановок и исполнителей.

12 номеров в год.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 120 руб., на 6 мес. — 60 руб., на 3 мес. — 30 руб.
Подписка принимается всеми отделениями Союзпечати и почтой.

ОТ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Дирекция Гослитиздата, в связи с изданием
ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ А. Н. ТОЛСТОГО,
выпускаемого по постановлению СНК СССР от 28 февраля 1945 года, обращается ко всем учреждениям и отдельным лицам, имеющим рукописи, автографы, письма А. Н. Толстого, правленные им копии, фотографии, иллюстрации, старые издания и все другие материалы о писателе, с просьбой передать их Гослитиздату на условиях взаимной договоренности.
За всеми справками обращаться по адресу: Москва—Центр, ул. 25 Октября, д. 10/2, Дирекция Гослитиздата. Тел. К 0-67-68.

Комитет по делам искусств при СНК СССР
проводит в ноябре—декабре 1945 года
Всесоюзный конкурс
музыкантов-исполнителей
по следующим специальностям:
а) ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ (рояль, арфа, скрипка, виолончель),
б) ВОКАЛЬНОЙ.
К участию в конкурсе допускаются исполнители-профессионалы: инструменталисты — до 32-х лет, вокалисты — до 35 лет
Справки об условиях и программах конкурса выдаются в местных отделах и управлениях по делам искусств, а также в Оргкомитете Всесоюзного конкурса по адресу: г. Москва, Неглинная ул., д. 15. Главное управление музыкальных учреждений Комитета по делам искусств при СНК СССР.
Телефоны К 3-00-23, К 0-62-68.

Адрес редакции и издательства: Москва, ул. Станиславского, 24. (Для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-60-02, отделы критики, литератур братских республик, искусств, информации — К 4-26-04, издательство — К 4-64-61, бухгалтерия — К 4-76-02.

Б11536 Типография «Гудок», Москва, ул. Станкевича, 7. Заказ № 2029.